

Глава V. Арендные отношения

Часть 1. Несколько слов о состоянии проблемы.

До сих пор мы почти не затрагивали такого важного аспекта «жизнедеятельности» английского манора как отношения аренды внутри него.

Между тем именно в развитии указанных отношений в XVI-XVII вв. в значительной степени и проявлялся генезис капитализма в Англии периода первоначального накопления. Развитие капиталистической аренды происходило одновременно с экспроприацией английского крестьянства и более того – нередко за счет этой экспроприации.

Проблема формирования аренды, наиболее выгодной манориальным лордам (по сравнению с традиционными видами держаний) по причине подвижных, регулируемых не обычаями, а рыночной конъюнктурой, арендных плат, фиксированных договором, является одной из важнейших проблем аграрной истории Англии. Она в достаточной степени разработана на материале первоисточников¹, преимущественно на уровне «эмпирических наблюдений». Исследователи сосредотачивают свое внимание на изучении в основном лишь таких аспектов аренды как ее размеры, сроки и высота арендных плат. При этом нередко отсутствует детальная сословная характеристика аренды, проблема соотношения экономического статуса этой

¹См., например: История крестьянства в Европе. Т.2. М., 1986. Гл. 16. Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии в XVII-XVIII вв. М., 1958. Он же. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX в. М., 1940. Он же. Исследование по аграрной истории Англии XVII-XIX вв. М., 1966. Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции середины XVII в. М., 1967. Гл. 2. Raftis J.A. Tenure and Mobility: Studies in the Social History of the Medieval English Village. Toronto, 1969. Postan M.M. Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy, Cambridge, 1973. Hilton R.H. Gloucester Abbey, Leases of the Late XIII Century // University of Birmingham Historical Journal. 1953-1954. IV. Kerridge E. Agrarian Problems in the XVI Century and After. L., 1969. Hoskins W.G. Provincial England.

формы землепользования и сословного статуса лиц, в распоряжении которых она находилась, характеристика процесса взимания арендных платежей и т.д. Кроме того, в историографической практике любая *крупная* аренда, размеры которой определяются, как правило, по величине пахотной площади, сданной арендатору, уже считается арендой капиталистического типа. Но между тем в XVI-XVII вв. все еще существовали феодальные, а также переходные по своей экономической сущности формы крупной аренды. Где здесь проходит грань, отделяющая одну форму аренды от другой? Каковы те критерии, которые позволили бы решить вопрос о генезисе капиталистической аренды, на материале источников зафиксировать стадиальную картину этого процесса? К сожалению, в современной историографии почти не предпринималось попыток изучить объективные условия возникновения того «поворотного момента» в аграрной истории Англии эпохи первоначального накопления, который знаменовал превращение феодальной по своей природе денежной ренты крупных арендаторов в ренту капиталистическую.

Хорошо известно, что сведения о феодальной аренде в английских манорах восходят едва ли не ко времени Книги Страшного Суда². В XII – начале XIII в. эта форма землепользования стала настолько распространенной, что к ней достаточно часто прибегали манориальные лорды, которым из-за установившейся к середине века довольно низкой рыночной конъюнктуры³ было невыгодно вести самостоятельное хозяйство. Кроме того, приходится учитывать и тот факт, что от хозяйственной деятельности их отвлекали как феодальные усобицы внутри страны, так и военные авантюры вне ее (например, Крестовые походы). Именно в XII в.

L., 1963. The Agrarian History of England and Wales (ed. by Joan Thirsk) Cambridge, 1967. Vol. 4. и др.

² Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма XI-XIII вв. М., 1962. Lennard R. Rural England. 1086-1135. A Study of Social and Agricultural Conditions. Oxford, 1959.

³ Miller E., Hatcher J. Medieval England: Rural Society and Economic Change 1068-1348. L., N.Y., 1978.

была характерна сдача в аренду не столько отдельных участков домена, сколько целых маноров, включавших домены и все причитавшиеся лорду повинности в поместье – за ежегодную фиксированную ренту⁴.

Но в XIII в., в период «феодальной реакции» в Англии, связанной с установлением высоких цен на хлебном рынке, указанная практика отступает перед стремлением манориальных лордов вести самостоятельное хозяйство на домене, основанное на труде зависимых крестьян - вилланов. Однако практика XII века не была забыта; она возобновилась в последующем (за веком «феодальной реакции») столетии. Когда в XIV в. рыночная конъюнктура вновь послужила причиной того, что для лендлордов стало невыгодно вести хозяйство на домениальной земле (ведь к низким рыночным ценам, характерным для указанного столетия, прибавилось и обострение классовой борьбы в английской деревне⁵), то аренда домена со всеми причитающимися лорду повинностями (либо частей домена), а нередко и частей держательского клина вновь становится распространенным в стране явлением.

В процессе многолетней работы над проблемой аренды я много думала над тем, какие же специфические черты как феодальной, так – позднее – и капиталистической аренды можно было бы выделить на основе исследования первоисточников и чтения специальной литературы? К сожалению, большинство исследователей не систематизируют этих специфических черт, нередко ограничиваясь в своих исследованиях лишь примерами из источников.

Мне кажется, что к числу черт феодальной аренды можно было бы отнести как минимум следующие⁶: 1. по преимуществу домениальный ее характер; 2. высокий удельный вес пахоты на арендуемых домениальных

⁴ Postan M.M. The Medieval Economy and Society. An Economic History of Britain in the Middle Ages. L., 1972.

⁵ Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. М., 1914.

⁶ Охарактеризовать специфику капиталистической и «переходной» аренды мы постараемся ниже – в качестве итога конкретных исследований описей маноров по указанной проблематике.

землях (пастбищные угодья и огороженные участки будут «массово» входить в состав аренды позднее, в период раннего Нового времени и далее); 3. по преимуществу «семейный» характер аренды, и лишь в самой незначительной степени использование наемного труда; 4. в основном долгосрочный ее характер (сроки договоров, нередко достигающие 99 лет); 5. в составе платежей арендаторов – высокий удельный вес типично вилланских повинностей: рент натурой, герiotов, меркетов и др.; 6. аренда, помимо домениальной земли, и *барщинных повинностей* обычных держателей, прикрепленных к ней.

Разумеется, специфика феодальной аренды не исчерпывалась указанным чертами; тем не менее, попытка их систематизации представляется в принципе нужной, а главное – важной для нашего дальнейшего исследования арендных отношений в период XVI-XVII вв.

Аренда указанного периода в Англии, несомненно, должна была отличаться по своему характеру от аренды феодальной поры. Но вот вопрос: насколько? Ответ на него совсем непрост. Как следует из работ отечественных и зарубежных исследователей, для большинства из них он, пожалуй, лежит в плоскости модернизации арендных отношений XVI-XVII вв. Аренда указанного времени зачастую интерпретируется уже как полностью капиталистическая – и это при том, что подчас исследователи не предпринимают необходимых попыток непосредственно изучить внутренний механизм функционирования аренды и взимания рентных платежей на земле этого статуса, ограничиваясь в своих характеристиках лишь указаниями на ее крупные размеры и принимая их во внимание, как уже указывалось, в качестве основного показателя якобы «капиталистического» характера аренды. Крупные аренды этого периода нередко называют фермами, хозяйства арендаторов – фермерскими хозяйствами. Это правильно, с учетом наличия в источниках термина “farm”, характеризующего крупное предпринимательское, чаще всего овцеводческое, хозяйство. Но все же: справедливо ли говорить о таких крупных хозяйствах Англии XVI-XVII вв.

как о хозяйствах чисто капиталистического характера? На этот вопрос ответить трудно, если не иметь в виду определенных критериев оценки производственных отношений на аренде, которые воплощались прежде всего в специфике взимания арендных плат (в источниках указанного периода манориальные клерки традиционно именуют их «рентами»).

Если бы нам, в процессе некоего, условно говоря, эксперимента, на примере анализа арендных отношений, отраженных в источниках определенного региона, удалось показать, что ренты, взимаемые с арендаторов и поступавшие лорду-собственнику земли, в XVI-XVII вв. уже не представляли собой нормальной формы прибавочной стоимости (как в «чисто» феодальную эпоху), а являлись избытком над средней прибылью арендаторов, то тем самым мы могли бы создать некую исследовательскую основу для того, чтобы считать такие аренды капиталистическими.

Как это сделать практически? В том-то и проблема, что такого вопроса не ставят перед собой исследователи, предпочитая, по сути, просто описывать крупные фермерские хозяйства, выдвигая в связи с этим тезис о том, что их значительная площадь не могла не являться основой для применения труда наемных рабочих – и уже в этом видеть капиталистический характер таких хозяйств. Что же, спору нет, это важно. Но ведь, как мы уже упоминали, крупные земельные собственники и феодальной Англии также сдавали в аренду отнюдь не мелкие «куски» доменов. Если для определения характера аренды иметь в виду в качестве основного критерий земельной площади, то окажется, что и домениальную аренду в средневековой Англии можно считать чуть ли не капиталистической!

Не важнее ли попытаться найти истину в иной плоскости, в плоскости, как уже подчеркивалось, рентных отношений? Для этого надо попробовать детально изучить особенности рент арендаторов и понять, насколько они в раннее Новое время, интересующее меня, отличались от рент традиционных держателей (копигольдеров). Причем а priori ясно, что чем больше

качественных отличий между этими типами рент было бы найдено, тем больше был бы понятен не традиционный, а «новый», капиталистический характер платежей арендаторов.

И напротив, чем ближе друг к другу могли бы быть эти ренты по характеру (типу) и механизму их взимания с крестьянства, тем яснее была бы традиционная, «генетически» феодальная природа рент арендаторов.

После того, как мы кратко наметили задачу, можно было бы попытаться перейти к изложению конкретного материала, связанного с наблюдениями над развитием арендных отношений в английской деревне XVI-XVII вв.

Я думаю, что мы поступим так, как поступали всегда: сначала, не упуская из виду проблемы рент арендаторов, опишем специфику путей развития аренды в юго-западном регионе Англии (на материале манориальных описей поместий графов Пемброков в Уилтшире 60-х гг. XVI – 30-х гг. XVII вв.), а затем – специфику развития этого вида поземельных отношений на Северо-Западе страны, в ланкаширском поместье Рочдейл в 20-е гг. XVII столетия. И посмотрим, можно ли будет сравнить эти два локальные варианта эволюции аренды?

Часть 2. Арендные отношения в манорах Пемброков в 60-е гг. XVI в.

Прежде всего отметим, что речь пойдет о формах арендных отношений в таком рано манориализованном графстве с поразительной устойчивостью и малоподвижностью аграрных структур как Уилтшир. Об этой устойчивости свидетельствует, например, тот факт, что, как показали в начале 90-х гг. мои исследования этого региона, общая площадь владений графов Пемброков в Уилтшире XVI в. практически не изменилась по сравнению с той площадью, оценка которой была зафиксирована в Книге Страшного Суда: если в XI в. интересующая нас площадь была оценена в 213, 5 гайд, то в XVI она (то есть площадь 12 маноров Пемброков, которые зафиксированы в Елизаветинской

описи 1566-1567 гг.) составила 216 гайд⁷. Исследование арендных отношений в графстве, аграрное развитие которого определялось традиционной устойчивостью средневековых распорядков⁸, является значительным преимуществом для нас, поскольку распространение аренды в указанном «малоподвижном» регионе позволяет с полной объективностью судить об успехах этого вида землепользования в других, и прежде всего - в более «продвинутых» в отношении аграрного развития, регионах Англии.⁹

Согласно елизаветинской описи маноров Пемброков, в их поместьях зафиксировано 33 арендатора, что составляет 7,9% общей численности держателей. По моим подсчетам, они сосредоточили в своих руках 5947,5 акра (22,9% земельной площади, отраженной в описи; причем 22,3 % из них приходилось на крупные аренды, расположенные на домениальной земле, и лишь 0,6% - на мелкую аренду крестьянского типа)¹⁰. Уже на основании этих данных мы можем сделать вывод о достаточно широком распространении арендных отношений в графстве Уилтшир.

Об этом же свидетельствует и высокий удельный вес арендных платежей – рент арендаторов (*rents of leaseholders*) по терминологии источников – в общей сумме держательских рент. Занимая своими участками немногим более 1/5 земельной площади маноров, арендаторы только

⁷ См.: Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. (на материалах графства Уилтшир). М., 1992. С.73-80. Сведения об оценке земельной площади интересующего нас региона Уилтшира периода Книги Страшного Суда почерпнуты из *Domesday Survey*. См.: *The Victoria History of Wiltshire*. L., 1957-61. Vol. 2. P.51, 91-92, 97. Из интересующих нас для XVI в. 12 маноров поместий Пемброков (Балбридж, Брод Чок, Динтон и Теффонт, Фугглестон, Стантон Бернард, Вест Овертон, Уайли, Олведистон, Бишопстон, Чилмарк и Ридж, Буркомб, Вилтон), в *Domesday Survey* нет сведений о трех из них (Фугглестон, Олведистон, Бишопстон) – этих маноров не существовало еще на карте DB.

⁸ Наши данные подтверждают существующее в литературе мнение о малоподвижности аграрной структуры юго-западной Англии. См.: Lennard R. *Rural England. 1086-1135*. Oxford, 1959. Postan M.M. *Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy*. L., 1973. .Duby G. *Rural Life and Economy in Medieval West*. L., 1968.

⁹ Этого нельзя было бы сказать, если бы речь шла, например, о восточной Англии, поскольку исключительно благоприятные условия для распространения там аренды не могли бы служить основанием для проецирования результатов этого процесса на другие регионы Англии. Так что наш локальный эксперимент отвечает основному требованию: он проводится в "относительно худших условиях".

деньгами вносили 41% денежных поступлений от всего населения поместий манориальным лордам. В этом факте, вне всякого сомнения, отразилась движущая сила аграрной революции: незначительная выгодность для манориального бюджета традиционных отношений и очевидные финансовые преимущества сдачи земли в аренду даже (как мы увидим в дальнейшем) при условии длительных сроков последней, не говоря уже об аренде краткосрочной, при которой сумма рентных платежей более динамично приводилась в соответствие с рыночной стоимостью земли.

Однако арендаторы (что мы будем подчеркивать еще неоднократно) были обязаны манориальным лордам, как показывают источники, не только денежными, но и натуральными повинностями.

Натуральную ренту, которая самим фактом своего существования в качестве повинности *арендаторов* свидетельствовала о наличии в аграрных распорядках юго-западного региона пережитков периода классического феодализма, Пемброкам платили в середине XVI в. 8 человек из 33 (24% общей численности арендаторов).

Приведем характерный пример из текста описей, свидетельствующий о феодальном прошлом аренды периода аграрного капитализма в Англии. Так, в описи манора Буркомб содержатся сведения о крупной аренде домениального (а скорее, даже – «манориального») типа, которая принадлежала некоему Вильгельму Никсону. Вот что мы читаем: «Вильгельм Никсон держит по договору (*per indenturam*), составленному 28 июля в VI год правления Эдуарда VI (около 1553 г.), весь указанный манор (*totum scitum manerii*) со всеми домениальными землями (*dominicalibus terries*), лугами, пастбищами, общинными угодьями и пастбищами, барщинными повинностями обычных держателей, домами и хозяйственными постройками, в этом маноре находящимися, в том числе 300 акров пашни, 221,25 акра

¹⁰ Винокурова М.В. Указ соч., С. 75. таблица № 1.

пастбища и 7,25 акра огороженной земли».¹¹ В эту аренду была включена резиденция лорда в данном маноре (*mancionalem domum*) с садом – за исключением сохранявшегося за лордом и его наследниками леса с подлеском, опека, брачных пошлин, рельефов, выморочного имущества, рыбных ловель и доходов манориальной курии.¹²

Мы видим, что условия этой аренды, как и ее характер, действительно отмечены пережитками феодального прошлого – достаточно отметить, например, наличие в середине XVI в. барщинных повинностей обычных держателей, которые были отданы «на откуп» арендатору Никсону, а также «домениальный» характер аренды. О том же свидетельствует и срок аренды: оказывается, что договор Вильгельма составлен на 60 лет. Легко себе представить, насколько выгодной могла быть аренда такой длительности, если цены на хлеб постоянно возрастали¹³ – а, следовательно, должны были возрастать и ренты – между тем, они оказывались неизменными до истечения срока аренды.

И вот тут-то мы подходим, на основании нашего примера, к объяснению причин наличия натуральных рент в составе повинностей арендаторов. Дело в том, что манориальным лордам, в условиях революции цен и нестабильной рыночной конъюнктуры, надо было найти способ компенсировать свои так называемые убытки, связанные с долгосрочными арендными договорами и фиксированной денежной рентой арендаторов: в таких случаях, как правило, и запрашивалась натуральная рента. В нашем примере это 16 кварталов овса в год, 20 кварталов ячменя, голуби и каплуны в количествах, измеряемых многими десятками.

Кроме того, арендаторы выплачивали такой характерный для традиционных отношений на копигольде платеж как геридот. Чаще всего в

¹¹ Survey of the Lands of William the first Earl of Pembroke. // Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909. Vol.1. P. 40-41.

¹² Ibid.

¹³ См., например,: The Agrarian History of England and Wales. 1500-1640 // Ed. by J. Thirsk. Cambridge, 1967. P. 593-694.

описях середины XVI в. в качестве гериота фиксируются все те же, характерные для копигольда, две лучшие головы крупного рогатого скота.

Причем манориальные клерки нередко проявляли заботу о том, чтобы зафиксировать стоимость поступающей лорду натуральной продукции в денежном выражении. Так, стоимость квартера пшеницы в среднем по комплексу маноров составляла 8 s., квартера ячменя – 5,4 s., той же меры овса – 2,7 s.; один каплун стоил 0,3 s., петух или курица – столько же. С учетом полученных нами данных общая сумма рентных платежей арендаторов, в том числе и натуральных, в середине XVI в. составляла 262,8£.¹⁴ Таким образом, учет переведенных в деньги натуральных повинностей повысил удельный вес выплачиваемых ими рент с 41% до 58,8%.¹⁵ Несомненно, что эта цифра более чем показательна и свидетельствует о высокой значимости договорного типа отношений для манориального бюджета.

Далее, если мы займемся такой важной проблемой как сословная характеристика аренды, то нам придется в первую очередь обратить внимание на те сословные группы, которые наличествовали в манорах Пемброков в середине XVI в.

Какие же этой группы? Вот они: дворяне, горожане, крестьяне. Посмотрим, хотя бы беглым взглядом, в чем состояла специфика каждой из них.

Среди арендаторов – 19 дворян (57% их общей численности), которые сосредоточили в своих руках 5834, 25 акра или 98% всей площади лизгольда. Данные о дворянской аренде содержатся в таблице № 58 .

¹⁴ Сумма чисто денежных рент арендаторов равнялась 182,9£ (69% платежей лизгольдеров и 41%, как указывалось выше, рент представителей всех держательских категорий). Подсчитанное мной «денежное выражение» натуральных повинностей арендаторов составляло сумму 79,9£ (31% рентных поступлений лизгольдеров).

¹⁵ Данную цифру очень легко получить, учитывая, что сумма *всех* рентных платежей в 12 манорах Пемброков составляла в интересующее нас время, согласно моим подсчетам, около 447£.

Таблица 58 . Дворянский лизгольд.

Число (чел.)	% к общей численности	Площадь (акр.)	% к площади аренды	Рента (£)	% к ренте арендаторов
19	57	5834,25	98	155,8	92

Мы видим также, что они выплачивали 92% всех денежных рент арендаторов. Добавим, что именно «благородные» держали в своих руках почти все огороженные участки, мельницы, леса, подлески... Они хозяйствовали на 98% всей пахотной земли, «закрепленной» за держателями по договору, и пасли свой скот на площади, удельный вес которой составлял 97,9% общих пастбищных угодий.

Итак, вполне очевидно, что аренда в Уилтшире середины XVI столетия была преимущественно *дворянской*. Внедрение «благородных» в маноры в качестве арендаторов (причем гораздо более интенсивное, нежели в качестве тех лиц, которые не гнушались скромными по статусу землями обычных держателей: так, вспомним, что в середине XVI столетия мы отмечаем наличие лишь 6 «благородных» на копигольде маноров Пемброков в Уилтшире) служит важным свидетельством того, насколько неутолим был земельный голод английского джентри, насколько привлекательным было для них хозяйство на арендуемой земле. Если нам нужны свидетельства, раскрывающие материальные предпосылки формирования особого, «коммерческого» интереса английского дворянства к аграрной сфере в его продвижении по пути к будущему союзу с буржуазией, то эти данные о крупной дворянской аренде (а в среднем на одно такое хозяйство приходилось по 307 акров земельной площади) приобретают важную обобщающую силу.

Характерной чертой таких крупных дворянских аренд являлся, между прочим, *высокий удельный вес пастбищного овцеводческого хозяйства*, который свидетельствовал об их коммерческой направленности – в отличие от аренды феодальной поры с ее домениальной пашней и возможностью взимать ренты феодального характера. Прямым свидетельством подмеченной особенности крупной дворянской аренды в манорах Пемброков 60-х гг. XVI в. служит наличие в таких хозяйствах большого количества овец. Так, например, благородный арендатор Генри Пенрудокк из манора Динтон владел отарой в 1400 овец, Иоанн Реддер из манора Чилмарк – отарой в 800 овец, Генрих Лей держал 600 овец, Томас Джонс – 750 и т.д.

Характеризуя положение благородных арендаторов, мы не можем не остановиться на вопросе о сроках аренды. Как выяснилось из наших подсчетов, в манорах Пемброков преобладал лизгольд относительно краткосрочный - по сравнению с феодальными арендами, с их типичным сроком в 99 лет. 82% благородных арендаторов в уилтширских манорах держали на срок от 21 до 41 года. Один человек – на срок, который считается в науке оптимальным, обладающим классически «капиталистической» динамикой – 7 лет. И лишь два человека имели аренды, тяготеющие по своей длительности к феодальным: в 60 и 70 лет. Таким образом, мы видим, что в изучаемом регионе в середине XVI в. преобладали уже относительно краткосрочные аренды в 21-41 год.

Думается, что объяснение этого явления состоит в следующем. Дело в том, что в указанное время революция цен и все более ощущавшийся земельный голод постепенно обуславливали поворот от типично феодальных долгосрочных аренд к относительно краткосрочным. И хотя срок, например, в 41 год был еще достаточно длительным, маноориальные лорды все же получали *большую*, чем, скажем, в XIII-XIV вв., возможность сообразовывать ренту арендаторов с колебаниями рыночных цен. Однако в то же время такие сроки были все еще достаточно длительными, чтобы приносить выгоду и самим арендаторам, которые могли присваивать себе

избыток над относительно неподвижной рентой, означенной в договоре; избыток, который образовывался вследствие отсутствия стабильности цен на сельскохозяйственные продукты.

Интересным представляется также вопрос о том, насколько зависели колебания рент арендаторов от сроков их аренд. А priori можно сказать, что более краткие сроки аренд позволяли манориальным лордам чаще повышать (по истечении срока договора) арендную плату; именно поэтому они считаются – не без основания - более выгодными для манориальных лордов и менее выгодными для самих арендаторов.

Посмотрим, как обстояли в этом смысле дела в наших манорах. Для этого нам нужно будет подсчитать для ряда примеров среднюю ренту, взимаемую за акр земельной площади, для аренд различной длительности. Так, выясняется, например, что уже упомянутый Вильгельм Никсон из манора Буркомб при сроке своей аренды в 60 лет выплачивал за акр земельной площади 0,9 d. А вот, например, Генри Лей из манора Уайли при сроке своего участка аренды в 21 год платил за акр земли этого участка 2,5 d., Ричард Бакли из манора Фугглестон (срок аренды 21 год) – 3,5d., Джошуа Ранглер (манор Буркомб) при сроке аренды в 35 лет – 2 d. Если же от отдельных примеров обратиться к общему итогу, то выяснится, что обладатели более долгосрочных аренд (свыше 41 года) платили за акр в среднем 6 d., в то время как обладатели аренд более краткосрочных (от 21 до 41 года) – в два раза больше (до шиллинга). Таким образом, *относительно краткосрочная аренда открывала лордам возможность более динамично реагировать на меняющуюся рыночную конъюнктуру.*

Что касается материального положения «благородных» арендаторов, то размеры их участков в середине XVI в. были настолько велики, что границей социально-имущественного расслоения мне пришлось считать аренду в 500 акров! Очень крупные были аренды во владениях Пемброков в Уилтшире.

Земельной площадью свыше 500 акров владело по 12 интересующим нас манорам 5 человек, что составило 38% учтенного числа дворян-

арендаторов. Они сосредоточили в своих руках земельные угодья в 3577,5 акра (почти 60% площади аренды «благородных»). Удивляют своими размерами аренды Антони Пратера из манора Стантон Бернард и Джорджа Пенрудокка из манора Бишопстон: их земельные участки равнялись соответственно 827 и 1055 акрам.

На противоположном полюсе находились владельцы более мелких аренд от 200 до 500 акров. Их численность составляла 46,8% общего количества благородных арендаторов; они сосредоточили в своих руках около 40% площади дворянской аренды¹⁶.

Мы видим, таким образом, что в руках благородных арендаторов находились по преимуществу крупные блоки земли, пригодные для ведения коммерчески поставленного хозяйства, которое могло основываться – и об этом свидетельствуют наши описи – не только на традиционном пахотном земледелии, но и на пастбищном скотоводстве.

Перейдем, далее, к анализу имущественного положения арендаторов крестьянского типа. Незначительные размеры аренд в данном случае не могут не привести к выводу о том, что они, видимо, были расположены не на домениальной земле, а на земле держательского клина. В состав группы арендаторов крестьянского типа входило всего 5 человек (лишь 15% тех, кто арендовал землю по договору). Данные о них содержатся в таблице № 59.

Таблица 59 . Арендаторы крестьянского типа.

Число (чел.)	% к общей численности	Площадь (акр.)	% к площади аренды	Рента (£)	% к ренте арендаторов
5	15	113,5	2	13,4	8

¹⁶ И лишь 14% дворян-арендаторов владеет незначительными участками от 1,5 до 64,5 акр.

Эти пятеро, как мы видим, сосредоточили в своих руках 113,5 акра или 2% общей площади аренды. В состав этой площади входили 49,75 акра пахоты и 63,75 акра пастбища – удельный вес этих угодий крестьянской аренды также не превышал 2% общей площади арендуемой пахотной и пастбищной земли. Крестьяне выплачивали 8% всех рент арендаторов. За акр земельной площади они платили в среднем 2,6 d., что было меньше соответствующего уровня ренты в среде благородных арендаторов¹⁷ в 4 раза. И действительно, вряд ли с небольших участков, площадь каждого из которых в среднем едва превышала 20 акров, можно было запрашивать высокую арендную плату.

Среди арендаторов в манорах Пемброков середины XVI в. мы находим и компактную группу горожан (жителей Вилтона) численностью в 9 человек. Однако, к сожалению, источник не содержит сведений о точной площади их аренд; сказано лишь, что это в основном участки парка и сада в черте «манора-города», а также какие-то мелкие кусочки домена.

Итак, подводя итоги нашему исследованию арендных отношений в уилтширских манорах Пемброков 60-х гг. XVI в., еще и еще раз подчеркнем, что в них была распространена по преимуществу крупная дворянская аренда домениального типа, в состав которой входили не только пахотные, но и пастбищные земли, позволявшие вести хозяйство, связанное с выпасом овец и использованием их шерсти в коммерческих целях. Сроки этой крупной дворянской аренды были еще достаточно длительными для того, чтобы приносить доход не столько манориальным лордам, сколько самим благородным арендаторам. Похоже, что *в юго-западном регионе Англии и, в частности, в обширных владениях Пемброков в графстве Уилтшир постепенное развитие капиталистических отношений выразилось не столько в форме проникновения дворянства на территорию фригольда и особенно копигольда (как это было, например, в манорах поместья Рочдейл в*

¹⁷ Средняя рента за акр у арендаторов–дворян (вне зависимости от сроков аренды) в целом по комплексу 12 маноров равнялась приблизительно 11,5 d.

Ланкашире), сколько в форме внедрения «благородных» на сдаваемый манориальными лордами в аренду домениальный клин, на земле которого они и «устраивали» свои крупные хозяйства. Однако в нашу задачу входит отнюдь не только констатация – на основе исследования описей – этого факта. Не забудем, что нас далеко не в последнюю очередь интересует механизм взимания рент на территории аренды – в качестве основы для решения вопроса о их природе в XVI – первой трети XVII в. и выявления характера самой аренды указанного периода. Будем иметь это в виду, анализируя данные описей маноров Пемброков 30-х гг. XVII столетия.

Часть 3. Арендные отношения в манорах Пемброков в 30-е гг. XVII в.

Для XVII в. я проанализировала не 12, а 17 маноров графов Пемброков в Уилтшире. Напомню, что описи этих 17 маноров были составлены в интересующих нас поместьях в 30-е гг. XVII столетия, то есть примерно через 70 лет после составления первого земельного кадастра «местного значения», который фиксировал их состояние в 60-е гг. XVI в. Эти годы были критическими для судеб английской деревни в целом: особенность генезиса капитализма в Англии состояла, как подчеркивалось в отечественной литературе, в том, что капиталистическая перестройка производственных отношений в деревне не только стимулировалась английским городом, но более того - именно деревне она проходила наиболее бурно, истинно революционным путем¹⁸. В этом смысле английская деревня опережала город, причем не только в темпах ломки средневековых отношений собственности, но и в сфере самой промышленности, поскольку мануфактурная форма последней (главным образом рассеянная мануфактура) была сосредоточена, главным образом, в сельской местности.

¹⁸ Барг М.А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М., 1967. С.19.

В XVII в. основой хозяйственного развития комплекса земельных владений графов Пемброков становится производство шерсти и шерстяных тканей, что способствует подъему экономики этого края и в дальнейшем. Рассеянная шерстяная мануфактура в уилтширской деревне¹⁹ служила, безусловно, подтверждением специфической направленности общей социально-экономической эволюции Англии того времени.

В свете всех этих особенностей экономического развития юго-западной Англии, как мне думается, данные о развитии аренды в этом регионе могут приобрести особо важное значение.

Итак, я обследовала следующие маноры обширного земельного комплекса графов Пемброков²⁰ (в число которых входят, разумеется, и те 12 маноров, которые были изучены на основании описей XVI в.) : Балбридж, Брод Чок, Динтон и Теффонт, Фовант, Фугглестон, Недерхамптон, Стантон Бернард, Стантон Бернард, Вест Овертон, Вилтон, Уайли, Олведистон, Барфорд, Бишопстон, Чилмарк и Ридж, Фламстон, Буркомб.

Наши описи фиксируют в названных манорах 84 арендатора, что составило чуть более 18% общего числа держателей²¹. Это явно больше, чем было выявлено нами на основе анализа описей маноров Пемброков елизаветинского времени: как мы помним, в 60-е гг. XVI в. процентное соотношение численности арендаторов и земельной площади, находившейся в их руках, выглядело как следующая пропорция: 7,9%: 22,9%.

В количественном отношении арендаторы распределялись от манора к манору весьма неравномерно. Больше всего их было в маноре Балбридж: 22 человека, что составляло до 81% общей численности держателей в этом маноре – процент довольно-таки значительный, так как в нем насчитывалось, согласно описи 30-х гг. XVII в., всего лишь 5 копигольдеров и ни одного фригольдера. На втором месте в этом смысле находился «манор-город»

¹⁹ Lipton E. The Economic History of England. L., 1937. Ramsay L.D. Wiltshire Woolen Industry in the XVI and XVII century. Oxford, 1943.

²⁰ См.: Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery, 1631-1632 // Wiltshire Archaeological and Natural History Society. Records Brunch. Vol. 9. Devizes, 1953.

Вилтон, в котором было зафиксировано 16 арендаторов, что составило в указанный период 100% общего количества его держателей (опись Вилтона не содержит сведений о держателях других категорий). И, наконец, в маноре Уайли число арендаторов составило 11 человек или 34,2% общей численности его держателей. В других же манорах число держателей по договору было невелико; оно колебалось от 1 до 6 человек. Таким образом, перед нами – два типа маноров. В большей части из них мы отчетливо фиксируем абсолютное преобладание копигольда, в то время как в ряде маноров (вроде только что перечисленных), аренда значительно потеснила копигольд, а в маноре Балбридж – вытеснила полностью.

Чем же объясняются все эти различия? Почему именно указанные маноры оказались столь притягательны для арендаторов 30-х гг. XVII столетия? Наши описи не дают прямых ответов на подобного рода вопросы. Пожалуй, единственное соображение, которое можно высказать в связи с географией владельческого комплекса Пемброков, состоит в том, что названные маноры были очень удачно расположены – на транспортных артериях (Уайли, расположенный на одноименной реке) или вблизи от городских центров (Балбридж).

Обратимся, далее, к анализу сословной принадлежности арендаторов. Из 84 чел., названных в описях лизгольдерами, 29 (34,5%) принадлежали к дворянству – факт, установленный в большинстве случаев по приписке “gentleman”, следующей за именем. В совокупности благородным арендаторам принадлежал 7831 акр земельной площади (или 77,1% всей арендуемой земли).

Опять-таки перед нами факт, заслуживающий внимания. Похоже, и в этом случае (как это было в исследуемых поместьях в 60-е гг. XVI в.) речь идет о том процессе, который в свое время Ричард Генри Тоуни, «спровоцировавший» в печати 40-50 гг. XX в. известную дискуссию²², назвал

²¹ Площадь аренды равнялась 10152 акра (29,7% всей описанной площади).

²² См. раздел по историографии настоящей работы.

«ростом джентри», имея в виду усиление экономического могущества нового дворянства Англии, совмещавшего получение традиционной ренты с интенсивным накоплением раннекапиталистической прибыли, и в первую очередь – ввиду приращения (различными способами, характерными для эпохи первоначального накопления) земельных богатств указанного слоя английского общества. Наши данные с полной очевидностью свидетельствуют об этом процессе: в 30-х гг. XVII в. *более ¾ площади всей аренды – не традиционного, а ориентированного на рыночную конъюнктуру (ввиду его договорного характера) вида землепользования – находилось в изучаемом регионе в руках дворянства. Тот факт, что абсолютное большинство благородных арендаторов являлось к тому же обладателями очень крупных аренд, свидетельствовало о явно предпринимательском характере их хозяйственной деятельности.*

Если мы хотим убедиться в том, что участки лизгольда, находившиеся в руках арендаторов-дворян, были действительно обширны, нам стоит обратить внимание на таблицу № 60, которая содержит данные о размерах части этих участков.

Мы видим, что подчас эти крупные единичные аренды благородных составляли, собственно, всю площадь лизгольда в маноре (так было в манорах Брод Чок, Стантон Бернард, Сток Фартинг). Но даже в тех случаях, когда на долю «неблагородных» арендаторов и оставался какой-то «процент», он был весьма невелик.

Таблица 60. Размеры участков дворянской аренды.

Название манора	Имя арендатора	Площадь (акр.)	% к площади аренды
Broad Chalke	Антони Браун	907,0	100,0
Stanton Bernard	Джон Баскервилл	997,0	100,0
Barford	Джон Роуден	643,5	81,0
Flamstone	Томас Хайд	501,0	73,9
Burcombe	Ричард Бейли	410,7	94,0

Dinton and Teffont	Роджер Ерф	449,7	82,8
Stock Farming	Джон Пенни	487,5	100,0
Bishopstone	Томас Смит	1021,5	92,8

Так, в маноре Буркомб он составлял цифру 6, в Бишопстон – 7,3%, в Динтон и Теффонт – 17,2%, в Барфорд – 19%, и, наконец, в Фламстон – 26,1%. Думается, что это действительно не такие уж высокие «показатели» по сравнению с высоким удельным весом дворянской аренды.

По сравнению с удельным весом дворянской аренды лизгольд горожан в интересующих нас манорах в 30-е гг. XVII столетия был совсем невелик. Если не считать 16 жителей Вилтона, то, собственно, описи фиксируют в указанное время лишь одного арендатора-горожанина, Джона Фолла. Джон снимал в аренду 46 акров леса явно с целью коммерческой деятельности. Вспомним здесь же, что число горожан на копигольде маноров Пемброков было более значительным и составляло 11 чел. Очевидно, держания на правах копигольда были для горожан или более доступными, или представлялись им более выгодными в специфических природных условиях уилтширских маноров. Так, площадь держаний горожан-копигольдеров по всему комплексу маноров явно превосходила площадь земли, находившейся в руках горожан-арендаторов: вполне достаточно сравнить цифры 485,4 акра и 70,5 акров, первая их которых отражает количество земли в руках держателей по обычаю, вторая – арендаторов-горожан.

Среди арендаторов мы находим также и клириков. Их, однако, совсем немного: всего четверо. Клирики сосредоточили в своих руках 36,6% площади аренды маноров Динтон и Теффонт, Вест Овертон и Фламстон, что составило 6,3% площади аренды всех исследуемых по описям 30-х гг. маноров Пемброков. Так, в маноре Динтон и Теффонт клирик по имени Филипп Пикни держит на правах аренды целых 92 акра леса, выплачивая за них в качестве ренты целых 19£. В маноре Вест Овертон клирики Джон Хейз и Джон Смит держат по совместному договору 441 акр земельной площади и

к тому же – имеют договорное право на «утилизацию» десятины манора (tenths and tithes of West Overton), выплачивая за все это более 15£ ренты. В маноре Фламстон Ричард Хеймур, «clericus», хозяйствует на площади аренды в 109,75 акра за ренту 19,9£. Таким образом, очевидно, что представители духовного сословия также не были лишены коммерческой жилки, коль скоро они брали в аренду не только земельные угодья, но и крупные участки леса и переводили на коммерческую основу столь традиционные действия как взимание десятины.

Итак, распределение площади аренды среди представителей трех сословных групп (дворяне, горожане, клирики) в манорах Пемброков в Уилтшире 30-х гг. XVII в. выглядело так:

Таблица 61. Распределение аренды среди сословных групп

Сословная принадлежность	Число (чел.)	% к численности арендаторов	Площадь аренды (акр.)	% к площади аренды
Дворяне	29	34,5	7831,0	77,1
Горожане	17	20,2	70,5	0,7
Клирики	4	4,7	642,5	6,3
Итого:	50	59,4	8544,0	84,1

Как следует из таблицы, почти 60% держателей по договору являлись арендаторами некрестьянского типа, которые в совокупности сосредоточили в своих руках более 80 % земельной площади манориального комплекса. Львиная доля земли (более 77%) в этой группе принадлежала уилтширскому дворянству. Оно-то и являлось главным «проводником» отношений договорного типа в уилтширской деревне: аренда, и, как правило, аренда крупная интересовала «благородных» в этом регионе гораздо больше,

нежели копигольд. Именно к таким данным, как мы помним, привел нас и анализ описей Пемброков тюдоровской поры.

На долю крестьянской аренды приходилось лишь 15,9% общей ее площади (1607,5 акра) – эта земля находилась в руках 34 арендаторов-крестьян (преимущественно копигольдеров), что в процентном отношении к общей численности арендаторов составило цифру 40,6%. То есть, согласно описям 30-х гг. XVII в., площадь дворянской аренды почти в два раза превышала площадь аренды крестьянской. Однако исчерпывающие представления о сословной специфике договорных отношений мог бы дать сравнительный анализ обеих описей, проведенный с целью вскрыть динамику развития как дворянской, так и крестьянской аренды. Мы проведем этот анализ ниже.

Здесь же отметим, что значительный интерес представляют зафиксированные в описях указания на род аренды. Действительно, какие из основных типов угодий пользовались повышенным спросом у арендаторов? Другими словами – каково было (главным образом) соотношение пахоты и пастбища в хозяйствах держателей по договору?

Долгие и кропотливые подсчеты дали основание получить в результате следующие цифры: в состав земель, зафиксированных в описях в качестве аренды, входило 36,8% пахоты, 53,2% пастбища и луга, а также 3,2% леса и сада. Таким образом, становится очевидным, что большую часть арендуемой площади составляли земли, с которых манориальные лорды могли получать коммерческую прибыль: значительное превышение пастбищного хозяйства над пахотным не оставляет сомнений в только что сказанном. В этом нас убеждает и то обстоятельство, что общая площадь огороженных земель на территории аренды составила 6,8%. Таким образом, суммарное превышение удельного веса «коммерческих» видов сельскохозяйственных угодий над удельным весом пахотных земель составило 26,4%.

Пахотные и пастбищные земли распределялись в манорах весьма неравномерно. Лишь в маноре Динтон и Теффонт соотношение этих угодий

было более или менее равным (34,3% пахоты и 30,8% пастбищных земель). В трех манорах (Балбридж, Вест Овертон, Чилмарк и Ридж) преобладала аренда пашни. В остальных же 13 манорах несомненным было превалирование пастбищного хозяйства. Так, в маноре Брод Чок удельный вес пастбища и луга составил 68,5%, в маноре Фовант – 62,9%, в Бишопстон – около 63%. Таким образом выходит, что в значительной части маноров Пемброков в Уилтшире *на аренду пастбища приходилось до 2/3 всей ее площади.*

Эти цифры свидетельствуют не только о скотоводческой ориентации сельского хозяйства в графстве Уилтшир (она отмечена в нем уже с XII-XIII вв.²³), но и о том, что, как уже указывалось выше, высокий удельный вес овцеводческого арендаторского хозяйства как хозяйства, имевшего в период аграрной революции наибольшую рыночную стоимость, к XVII в. становится одним из самых ярких показателей капиталистического характера арендных отношений.

Овцеводство являлось особенно выгодной формой хозяйственного использования земли не только потому, что английская шерсть в принципе имела широкий рынок сбыта, но и потому, что Уилтшир был, как известно, одним из важнейших центров сукноделия в Англии. Оттого-то шерсть, в том числе, очевидно, поступающая и из маноров Пемброков, получала широкий сбыт на местных рынках²⁴. Об этом, помимо данных специальной литературы, косвенно свидетельствуют и наши источники, в которых содержатся данные о поголовье овец. Так, в целом в руках арендаторов владельческого комплекса графов Пемброков находилось 9217 овец, что составило примерно треть их общего количества в поместье (около 2/3 – более 19000 – было зафиксировано в руках многочисленных копигольдеров, населявших просторы 17 маноров). Наши данные свидетельствуют о том, что в среднем на одно арендаторское хозяйство приходилось примерно 109 овец,

²³ The Domesday Geography of South-West England // Ed. By H.C. Darby. 1976. P. 5-44.

но на самом деле их поголовье было распространено по манорам весьма неравномерно. Так, в маноре Балбридж (манор «крестьянской» аренды), например, в среднем в каждом хозяйстве арендатора содержалось примерно по 35 овец, в то время как в маноре Брод Чок на пастбищах богатого фермера джентльмена Стэнли паслась отара в 1200 голов, в маноре Стантон Бернارد у эсквайра Ричарда Николсона – 500 овец, а в маноре Бишопстон всего лишь у двух зафиксированных в нем благородных арендаторов имелось 1284 овцы.

В целом по манориальному комплексу крупное коммерческое овцеводство явно преобладало над мелким: в этом нас убеждает и тот факт, что в упомянутых нами выше 13 манорах, где пахотное хозяйство уступало место пастбищному, на каждого арендатора приходилось в среднем от 200 до 800 овец! Крупные, как правило, «благородные», арендаторы этих маноров в количестве 43 человек сосредоточили в своих руках 4589 акров луга и пастбища, что составляло около 85% площади соответствующих угодий всей аренды и около 26% площади пастбищ и лугов всего комплекса маноров. К тому же именно для этих маноров было характерно преобладание огороженных участков. В целом-то, конечно, как уже отмечалось, к 30-м гг. XVII в. в Уилтшире движение огораживаний не проявило себя столь ярко, как, например, в Средней Англии с ее многочисленными эвикциями и депопуляцией населения – площадь огороженных участков по обширному комплексу Пемброков составила, согласно моим подсчетам, всего 6,8%. Но все же нетрудно уловить тенденцию преобладания огораживаний именно там, где имелись крупные, поставленные на коммерческую основу, хозяйства, расположенные, как правило, на периферии владельческого комплекса Пемброков. Так, площадь огороженных участков в манорах, где имелись хозяйства указанного типа, значительно превышала соответствующую площадь в манорах земледельческого ядра поместья, где наблюдалось значительное скопление мелких арендаторов крестьянского

²⁴ Ramsay L.D. *Wiltshire Woolen Industry in the XVI and XVII cc.* Oxford, 1943. Supple B.E. *Commercial Crisis and Changes in England. 1600-1642.* Cambridge, 1959.

типа (маноры Балбридж, Вилтон, Уайли). Так, в первом из указанных маноров 10 арендаторов из 22 владели участками земли от 25 до 100 акров, а 9 из них хозяйствовали на площади, не превышавшей 25 акров. В третьем из них, маноре Уайли, все 11 арендаторов, на каждого из которых в среднем приходилось по 44 акра земли, были арендаторами крестьянского типа.

Попытаемся объяснить это скопление мелких арендаторов крестьянского типа в незначительной части маноров земледельческого ядра.. Известно, что уже с XVI в., и тем более в первой половине XVII, наблюдается множество случаев превращения копигольда в аренду²⁵, а, следовательно, и процесс низведения традиционных держателей в ранг арендаторов чужой земли. Этот процесс был наиболее выгоден маноориальным лордам, ведь они могли диктовать условия аренды, считаясь лишь с рыночной конъюнктурой и предавая забвению традицию. Они могли также по своему желанию менять сроки аренды и высоту земельной ренты. Однако не забудем, что к аренде могли прибегать и сами держатели-крестьяне, приходящие в маноры в поисках земельного надела. Для маноориальной администрации они были даже предпочтительнее, поскольку с ними считались еще меньше, чем с коренным населением манора. Думается, что с учетом этих соображений вполне можно объяснить скопление мелких арендаторов-крестьян в пределах части маноров Пемброков. Но почему они скапливались именно в тех манорах, которые, в сущности, находились в центре владений Пемброков (Вилтон) или были выгодно расположены на транспортных артериях, как, например, манор Уайли, раскинувшийся на берегах одноименной, довольно крупной реки? Казалось бы, все должно быть наоборот: маноры, расположенные в географическом отношении выгодно для коммерческой деятельности, видятся нам обычно

²⁵ Савин А.Н. История одного восточного манора // Сб. статей в честь М.К. Любавского. 1917; Он же. История двух маноров // ЖМНП. 1916. №4; Ковалевский М.М. Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии // Историческое обозрение. Т.3. 1891; Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии. М., 1958; Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. М., 1992 и др.

«наполненными» крупными фермами овцеводческой направленности. Во владениях Пемброков такие фермы были, напротив, «раскинуты» в тех уголках поместья, которые в географическом плане особых выгод для их владельцев не представляли. Данное, на первый взгляд, казалось бы, парадоксальное явление, можно, видимо, объяснить территориальной ограниченностью земельных площадей, расположенных в районе земледельческого ядра владений Пемброков, равно как и уже достаточно интенсивным использованием последних под пашенное земледелие. Именно с учетом этих обстоятельств можно объяснить стремление отдельных крупных (нередко – благородных) предпринимателей к продвижению в глубь владельческого комплекса, на те земли, расширение площадей которых под пастбище с коммерческими целями представляло из себя в потенциальном плане немалые выгоды.

С учетом всех этих соображений было бы интересно рассмотреть распределение площади аренды между крупными и мелкими арендаторами – данные об этом содержатся в таблице № 62.

Таблица 62. Распределение площади аренды.

Площадь (акр.)	Число (чел.)	% к общей численности	Площадь (акр.)	% к общей площади
до 10	28	33,0	69,0	0,7
10 – 24	8	9,5	107,25	1,1
25 – 49	10	12,0	351,0	3,5
50 – 99	20	24,0	1385,0	13,6
100 – 199	2	2,3	229,0	2,3
200 – 499	10	12,0	3594,7	35,4
500 и свыше	6	7,2	4416,5	43,4

Данные таблицы подтверждают наше наблюдение о том, что среди арендаторов маноров Пемброков в 30-х гг. XVII столетия выделялась относительно немногочисленная группа действительно крупных капиталистического типа фермеров. Это обладатели аренд свыше 200 акров, число которых, как следует из таблицы, составило 16 чел. (19,2% общей численности арендаторов). В руках этого небольшого количества арендаторов, чаще всего благородных со своему сословному статусу, было сосредоточено 78,8% общей площади арендуемой земли – цифра, которая, прямо скажем, впечатляет как свидетельство действительно широкого размаха коммерческого фермерства той поры. На одного такого арендатора приходилось, таким образом, в среднем 500,7 акра земельной площади. Кстати, в свое время достаточно высокий средний размер земельных наделов арендаторов в Уилтшире раннего Нового времени отмечал и Ричард Генри Тоуни. Он приводит цифру в 352 акра, в то время как в других регионах Англии этот «показатель» составлял в среднем 150-170 акров.²⁶

На другом полюсе были сосредоточены обладатели мелких и мельчайших аренд (как правило, держатели-крестьяне). 36 (42,5%) таких арендаторов наделов земли, не превышавших 25 акров, сосредоточили в своих руках всего-навсего 1,8% арендуемой площади – факт, который, несомненно, свидетельствует об интенсивной социально-имущественной дифференциации в среде арендаторов Уилтшира середины 30-х гг. XVII в.

И, наконец, 32 арендатора (38,3%) сравнительно мелких и средних арендаторов в исследуемых 17 манорах вели свое хозяйство на площади, удельный вес которой был равен 19,4%. И в этом случае мы не можем не отметить диспропорциональности между удельным весом численности арендаторов данной группы и удельным весом находившейся в их руках площади; ее наличие также, несомненно, свидетельствует о постепенном «размывании» держательского ядра арендаторов маноров Пемброков.

²⁶ Tawney R.H. The Agrarian Problem in the XVI century. L., 1912. P. 208-212.

Рассмотрим, далее, вопрос об условиях аренды 30-х гг. XVII в. в Уилтшире. Более всего нас будут интересовать ее сроки и специфика рент арендаторов.

Как мы помним, согласно данным описей этих же маноров 60-х гг. XVI в., в них решительно преобладали сроки аренды от 21 до 41 г. Лизгольдеров с указанной длительностью договоров мы насчитали для того времени целых 82%.

А как распределялись по срокам арендные договоры в уилтширских манорах Пемброков в момент составления описей 1631-1632 гг.? Рассмотрим с этой точки зрения полученные нами данные. Как выясняется, из 84 арендаторов, зафиксированных нашими источниками, 36 чел. (42,8%) хозяйствовали на аренде с типично феодальной длительностью договоров в 99 лет. 6 арендаторов (7,1%) держали аренды сроком на 25-50 лет. Интересной особенностью договорных отношений в 30-е гг. XVII в. явилось то обстоятельство, что подчас сроки лизгольда «моделировались» по типу отношений на копигольде: так, манориальные клерки в некоторых случаях фиксируют длительность аренды «на три жизни». Такую аренду держали 36 человек из 84 (около 37%). И хотя данных о годовом исчислении такой аренды описи не содержат, думается, что она вряд ли была меньше 21 года. И наконец, 5 арендаторов владели арендой сроком в 25 лет, и лишь 5 чел. – сроков менее 10 лет.

Таким образом, мы имеем все основания сделать вывод о том, что в манорах Пемброков в 30-е гг. XVII в. преобладали сроки аренды, превышавшие 20 лет. Констатация этого факта не может не означать того, что в начале XVII в. указанные сроки аренды действительно были еще достаточно длительными для того, чтобы приносить больше выгоды арендаторам (а не лорду), которые могли присваивать себе избыток над относительно неподвижной рентой, образующийся вследствие отсутствия стабильности рыночных цен. Этот важный факт подтверждается и нашими расчетами. Так, я вычислила средний уровень арендной платы

(ренды) с акра как краткосрочных (до 20 лет), так и долгосрочных аренд. Выяснилось, что в первом случае средняя рента с акра составляла 11,3d., а во втором – 7,6 d.²⁷ Понятно, что краткосрочные аренды были невыгодны арендаторам, которым приходилось платить за них почти шиллинг с акра. Зато лордам они открывали возможность быстро реагировать на меняющуюся рыночную конъюнктуру. Лизгольдеры должны были мечтать об арендах долгосрочных.

Непостижимым пока для нас образом их мечты сбывались: достаточно обратить внимание на тот факт, что в 30-е гг. XVII в. в манорах Пемброков появляются арендаторы со сроками аренд в 99 лет. И таких арендаторов много, целых 42,8%. А ведь лизгольда такой длительности не было в этих манорах в 60-е гг. XVI в.! Откуда же они появились – в таком количестве, и, кстати говоря, вопреки тенденции к уменьшению, с течением времени, сроков аренды? Во всяком случае, в науке принято считать, что со временем аренда все более «капитализировалась», о чем свидетельствовали, в частности, все более и более краткие сроки арендных договоров²⁸. Ответа на поставленный вопрос мы пока не можем дать. Но вполне вероятно, что это удастся чуть ниже; тогда, когда мы сможем провести сравнительно-статистический анализ обоих сводов наших источников.

Отметим еще одну особенность: дело в том, что долгосрочные аренды зачастую находились в руках крупных и, как правило, благородных арендаторов. На арендах же краткосрочных (как мы выяснили, более выгодных лордам, нежели держателям²⁹), хозяйствовал мелкий люд, очень часто – арендаторы-крестьяне. *Таким образом, можно говорить об определенном соответствии между сословным статусом держателей (в*

²⁷ Средняя рента за акр копигольда по всему комплексу маноров, согласно моим подсчетам, равнялась 3,3d. Следовательно, аренда даже в своей «долгосрочной неподвижности» была для лорда выгоднее обычного держания.

²⁸ См., например: Tawney R.H. *Essays in the Economic History of Tudor and Stuart England*. Cambridge, 1961.

²⁹ А.Н. Савин в свое время писал: «Манориальные лорды должны были мечтать о превращении копигольда и фригольда в лизгольд с подвижной рентой»: Савин А.Н. История 2-х маноров // ЖМНП. 1916, апрель.

данном случае – арендаторов) и степенью экономической обеспеченности их держаний. Джентльмены стремились к аренде крупной, включающей различные, но прежде всего – коммерческие (как было показано выше) типы угодий. К тому же они стремились при этом обеспечить себе максимально удобные «временные условия» для хозяйствования, стараясь врасстяжку, то есть в течение весьма длительных сроков, достигавших в некоторых случаях 99 лет, выплачивать фиксированные договором ренты, которые, ввиду этой долговременной «фиксации» объективно, несмотря на нестабильность рыночной конъюнктуры, оставались невысокими. Терпеть превратности скачков этой конъюнктуры приходилось в большей степени арендаторам-крестьянам – обладателям краткосрочных аренд. Конечно же, речь в данном случае идет лишь о тенденции, однако тенденции знаменательной.

Заглянем в описи. Так, в маноре Сток Фартинг джентльмен Томас Пенн держит крупную аренду в 347 акров сроком в 40 лет, его сосед по манору, эсквайр Джон Баскервилл, аренду в 907 акров сроком в 30 лет на момент описи. Далее, джентльмен Антони Браун из манора Брод Чок хозяйствует на площади аренды в целых 907 акров, причем ему и его потомкам суждено было делать это в течение срока в 99 лет (ясно, кстати, что условно мы такие долгосрочные аренды можем считать наследственными, хотя в источниках нет ни слова на этот счет). 99 лет в качестве срока своих аренд имеют «благородные» Джемс Эббот из манора Барфорд (хозяйствует на 120 акрах), его сосед Томас Эккрес (220 акров), Джон Роуден из того же манора (643,25 акра), Роджер Ерф из манора Фовант, который арендует на указанный срок 76 акров леса в одном маноре и почти 450 акров – в другом, Томас Хейл из манора Фламстон (501 акр.).

В то же время арендаторы-крестьяне, работающие на небольших участках аренды от 5 до 51 акра, очевидно, были вынуждены заключить весьма краткосрочные договоры. Так, сроком всего на 14 лет заключил свой договор на аренду участка в 26 акров Генри Хейтер из манора Буркомб, на 20

лет – Ричард Кирби из манора Балбридж (51 акр), на 17 лет – вдова Агнес Глайд из того же манора (около 15 акров), на 18 – Джон Хейтер (9 акров). И этот список можно было бы продолжать.³⁰

Обратимся, далее, к рентным отношениям в среде арендаторов. Эти отношения, согласно нашим источникам, включали: арендную плату или ежегодно уплачиваемые ренты (rents), ренты эпизодические (главными из которых в 30-е гг. XVII в. являлись, как и на копигольде, вступные файлы), ренты «остаточного» характера, которые являлись «родимыми пятнами» на «теле» аренды со времен феодального прошлого – в виде герiotов, натуральных поборов и даже отработочных повинностей).

Давайте рассмотрим эти виды рент. Прежде всего следует отметить, что, согласно моим подсчетам, общая ежегодная сумма, пополнявшая маноориальный бюджет со стороны арендаторов, составляла 443,8£ или 59,3% всех денежных поступлений. Для сравнения напомним, что сумма рент обычных держателей, гораздо более многочисленных, чем арендаторы, составляла лишь 295,7£ или 39,5 %.³¹ Мы видим, что сумма арендных платежей значительно превышала сумму фиксированных обычаем, «твердых» рент копигольдеров – в первой трети XVII в. это обстоятельство не могло не свидетельствовать о том, что будущее в Англии принадлежало не крестьянскому типу держания, а «капиталистической аренде земли и капиталистической ренте». В конкурентной борьбе с копигольдом аренда явно побеждала, самим фактом своего существования доказывая маноориальным лордам экономическую выгоду этого рода отношений в сравнении с отношениями традиционными. Даже учитывая, что в изученных нами манорах преобладала аренда долгосрочная, при которой ренты оставались почти неподвижными, мы, тем не менее, не можем не заметить,

³⁰ Данные об арендаторах и сроках их аренд см. в: Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery. 1631-1632. Devizes, 1953. Wiltshire Archaeological and Natural History Society. Records Branch. Vol.9. Manors Bulbridge, Burcombe, Flamston, Fovant, Broad Chalke, Stock-Farting, Barford.

³¹ 9,2£ или 1,2 % суммы рент всех держателей выплачивали немногочисленные фригольдеры.

что и она оказывалась гораздо выгоднее копигольда, и прежде всего потому, что, согласно нашим данным, средняя рента за акр такой аренды по всему владельческому комплексу на 4,3d.(!) превышала ренту за соответствующую площадь обычного держания.

Выявляя зависимость величины арендной платы от площади аренды, следует отметить, что, как правило, крупные (и часто благородные) арендаторы недоплачивали, а мелкие арендаторы крестьянского типа переплачивали. Мы уже неоднократно встречались с таким феноменом на копигольде как маноров Пемброков 60-х гг.XVI в., так и на территории обычного держания маноров поместья Рочдейл в Ланкашире первой трети XVII столетия. Очевидно, это явление, отмечаемое многими исследователями, явление, причины которого до конца так и не выяснены³², было характерно не только для обычного держания, но и для отношений договорного типа. Так, в маноре Bulbridge, где, ввиду значительного количества арендаторов, проводить такого рода исследование наиболее удобно, крупные арендаторы за площадь своей аренды, в 13-14 раз превышающей среднюю площадь типичной для этого манора аренды в 30 акров, уплачивали ренту, общий объем которой был всего в 5-6 раз выше объема платежей арендаторов-крестьян. Как мы видим, здесь нет и намека хотя бы на пропорциональность между уровнем рент и площадями на крупных арендах благородных держателей и мелких арендах крестьянского типа, не говоря уж о таком виде корреляции между интересующими нас «показателями», при котором уровень рент первых мог бы превосходить соответствующий уровень вторых.

³² Мы можем только догадываться об этих причинах, тем более о них нет, пожалуй, даже косвенного намека в источниках. Думается, что привилегированное (в смысле выплаты рент) положение крупных благородных арендаторов могло объясняться все тем же покровительственным отношением со стороны лорда и манориальной администрации, о котором мы писали выше (особенно тогда, когда речь шла о крупных фригольдерах поместья Рочдейл). Очевидно, граф Филипп Пемброк и Монтгомери со своей администрацией был настроен более благожелательно к людям благородного происхождения, нежели к простым крестьянам, которых, между прочим, он мог низвести

Рассмотрение файнов за допуск в среде арендаторов не оставляет сомнений в том, что *с помощью этих периодически взимающихся платежей лорд так же, как и в случае копигольда, компенсировал свои так называемые «убытки», связанные с неподвижностью рент арендаторов.* В этом нас убеждает и то очень важное обстоятельство, выявленное на основе долгой работы с источниками, что нередко *файны арендаторов – обладателей долгосрочных аренд – были намного выше файнов держателей аренд краткосрочных.* Так, например, файны долгосрочных (до 99 лет) арендаторов маноров Барфорд, Фламстон, Бишопстон и некоторых других колебались в своих размерах от 100 до 300£, в то время как файны арендаторов на более краткие сроки в 25-50 лет составляли менее значительные цифры: 50-90£. К сожалению, я не имею возможности составить и привести здесь таблицу, которая могла бы свидетельствовать о высоте файнов арендаторов по всей совокупности владений Пемброков в 30-е гг. XVII столетия ввиду явной дефектности сведений, предлагаемых по этому поводу описями целого ряда маноров. Так, например, в маноре Уайли данные о файнах отсутствуют у 9 арендаторов из 11, в маноре Балбридж – у 11 из 22 и т.д.

Однако мы можем обратиться к таблице № 63, в которой сопоставлены общие суммы рент и файнов арендаторов в каждом из маноров, вычисленные с той степенью точности, с какой позволяют это сделать исследуемые описи.

Таблица 63. Годовые ренты и файны арендаторов

Название манора	Сумма годовых рент (£)	Сумма файнов за допуск (£)	Кратность
Bulbridge	137,5	1163,0	8,4
Broad Chalke	19,0	40,0	2,1
Dinton and Teffont	32,1	1200,0	37,4

в ранг арендаторов насильно, предоставив им мелкие участки на основе краткосрочных договоров с высокой подвижной рентой.

Fovant	31,3	184,4	5,9
Fuggleston	4,0	56,7	14,2
Netherhampton	0,5	-	-
Stanton Bernard	16,0	500,0	31,3
Stock-Farting	6,6	-	-
West Overton	23,7	304,0	12,8
Wilton	15,6	45,0	2,8
Wylve	27,5	3,5	8,1
Olvediston	1,5	-	-
Barford	5,6	475,0	86,3
Bisopston	40,9	825,0	20,1
Chilmark and Ridge	14,5	157,0	10,8
Flamston	8,5	191,0	22,5
Burcombe	59,0	40,0	Рента выше файна в 1,5 раза
Итого:	443,8	5184,6	11,5

Мы видим, что сумма файлов арендаторов в целом по комплексу маноров превосходила сумму ежегодных рент в 11,5 раза. Особенно значительным это превышение было в манорах Барфорд (86,3), Динтон и Теффонт (36,9), Стантон Бернارد (29,4). Сама возможность взыскивать файлы (тем более такие высокие!) при заключении арендных договоров свидетельствует прежде всего о том, насколько велик был спрос на землю в английском обществе изучаемого времени и насколько выгодно денежным людям было вкладывать свой капитал в сельское хозяйство, которое было не только вполне обеспеченной сферой прибыли, но и сферой, по-видимому, наибольшей прибыли. Стремясь получить от манориальных лордов крупные участки аренды, на которых можно было вести коммерческое хозяйство, эти

денежные люди не останавливались перед тем, чтобы выплачивать, помимо ежегодной арендной платы, и традиционные *файны* за допуск, которые требовали с них, как традиционно требовали и с «низких» *копигольдеров*. Несомненно, что наличие этих *файнов*, взимаемых с арендаторов, было пережитком «феодалного прошлого» и свидетельствовало о не вполне еще сложившейся аренде, которая в то время имела явно «переходный» характер.

Мы уже писали о том, что аренда даже в своей долгосрочной неподвижности была для лорда выгоднее обычного держания. Здесь же заметим, что сама возможность сдавать огромные участки, достигающие сотен акров, в руки арендаторов-предпринимателей немало увеличивала эту выгоду, поскольку при этом возрастали не только суммы ежегодных рент, но, что, пожалуй, важнее – *файнов* за допуск. Как и в случае *копигольда*, ежегодная рента арендаторов, согласно договору, была – в рамках его срока – неподвижной. Однако *с помощью файнов рентные отношения превращались в такой степени в «подвижные», что по существу оказывалось – с арендаторов, как и с копигольдеров, каждый год взимали дополнительную ренту к формально фиксированной.*

Таким образом, как представляется, ренту арендаторов периода аграрной революции в Англии (XVI – первая треть XVII вв.) рано именовать «избытком над средней прибылью». Эта рента, похоже, просто все еще была *денежной формой феодальной ренты*, то есть тяготела к тому, чтобы являться, как и в случае *копигольда*, «нормальной формой прибавочной стоимости»³³. Что имеется в виду?

Мы могли бы считать ренты наших арендаторов «чисто капиталистическими», если бы они *фактически* оказались твердыми, фиксированными, то есть выплачиваемыми лорду в пределах той суммы, которая была фиксирована в договоре. Для того, чтобы понять, о чем идет

³³ В 47 главе 3-го тома «Капитала» К.Маркс, подробно анализируя производственные отношения в сельском хозяйстве, справедливо характеризует феодальную ренту как «нормальную форму прибавочной стоимости», а арендную плату в земледелии при капитализме – как «избыток над средней прибылью». Взамен этих характеристик, традиционно принимаемых за основу в отечественной экономической истории при анализе рентных отношений, пока никем еще не предложено новых. Да это и не нужно.

речь, попробуем представить себе некую стоимость (совокупный продукт, создаваемый в условиях аренды) в виде привычного вида формулы:

$W = c + v + m$, где c – средства, затраченные арендатором на приобретение средств производства и сырья, v – необходимые средства, идущие на оплату труда наемных рабочих, поденщиков и т.д., а m – вновь созданная стоимость (прибавочный продукт), часть которого идет на личное потребление арендатора, часть – на расширение производства, а определенная, фиксированная договором доля, – в виде некоего избытка над собственной прибылью арендатора – является капиталистической рентой, поступающей лорду-собственнику земли.

Но в нашем случае, ввиду того, что дополнительно к формально фиксированной договором арендной плате (ренте), арендаторы, как будто бы они являлись копигольдерами или даже средневековыми вилланами, должны были выплачивать лорду еще и огромные фэйны, сама природа «капиталистической арендной платы» искажалась, поскольку практически рентные отношения между арендатором и лордом низводились до уровня феодальных. Получалось, что, подобно средневековому крестьянину, который был вынужден отдавать лорду в виде ренты не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, арендатор первой трети XVII столетия также, ввиду наличия фэйнов, дополнительно к фиксированной договором ренте, выплачивал лорду то, чем не был обязан (во всяком случае, не должен бы был быть обязан как арендатор капиталистического типа), поскольку высокие суммы фэйнов «вмещали» и ту часть прибавочного продукта, которая могла бы быть использована на личное потребление арендатора, на расширение производства и, в частности, – на оплату наемных рабочих. Ренты арендаторов были, таким образом, по характеру и типу их взимания, все еще «генетически» близки платежам традиционных держателей. Видимо, фактор внеэкономического принуждения в отношениях между арендаторами и лордами в изучаемое время, как и встарь, продолжал играть весьма

значительную роль, - иначе арендаторы не соглашались бы на выплату файнов, а тем более гериотов и даже - несение отработочных повинностей.

И действительно, эти обязанности феодального происхождения нередко фиксируются описями в среде арендаторов, а не только копигольдеров и «последних вилланов». Так, выплаты посмертного сбора – гериота – графы Пемброки требовали от 28 арендаторов из 84, что составляло целых 33% их общей численности. Натуральной рентой (в источниках перечисляются куры, каплуны, фрукты, различные виды зерновых) был обязан 21 человек. Наконец, в описях отмечено, что четверо арендаторов должны еще выполнять и отработочные повинности. Такого, кстати говоря, если иметь в виду повинности, фиксированные именно в описях 30-х гг. XVII в., мы не встретили даже в среде держателей по обычаю!

Конечно, не отработки определяли содержание арендных отношений в указанное время, но самое наличие упомянутых выше повинностей в среде арендаторов свидетельствует о том, что до «чистого» капитализма в аграрной сфере было еще очень далеко. *«Поворотный момент», который мог бы свидетельствовать о превращении феодальной ренты арендаторов в ее денежной форме в ренту капиталистическую, или был явно впереди, или лишь слабо намечался в исследуемый период. Ясно, что в XVI - первой трети XVII вв. ренты арендаторов еще не представляли собой избытка над средней прибылью. Я думаю, мы не должны модернизировать этот период аграрной и социальной истории Англии: ведь мы только что видели, что в сфере основного производственного отношения – рентного – все еще действовали механизмы, характерные, скорее, для феодального времени. Во всяком случае, рентные отношения на аренде моделировались явно по типу копигольда – этого традиционного, ведущего свое происхождение от средневекового вилланства, вида держания.*

Несомненно поэтому, что без уничтожения средневекового наследия в аграрной сфере, то есть без уничтожения самой «модели» – копигольда –

(другими словами – без превращения его в свободное держание на общем праве) не только обычные держатели не могли обезопасить себя от угрозы экспроприации, но и капиталистические отношения, постепенно прививавшиеся в предреволюционной английской деревне, не могли полностью развиваться в условиях сохранения господства «воли лорда».

Однако, при всей, как представляется, важности того, о чем идет речь, мы не можем не думать о том, что все-таки в конечном итоге произошло с арендой в пределах маноров графов Пемброков за те три четверти века, которые разделили наши описи. Другими словами: в чем выражалась эволюция аренды в Уилтшире в 60-е гг. XVI – 30-е гг. XVII вв.?

Часть 4. Эволюция аренды в манорах графов Пемброков в 60-е гг. XVI – 30-е гг. XVII вв.

Проследить эту эволюцию мы можем на примере 11 маноров комплекса. Нам важно, чтобы интересующие нас территории полностью совпадали в обоих сравниваемых хронологических «срезах», и это оказалось возможным достичь для следующих маноров: Балбридж, Брод Чок, Динтон и Теффонт, Фугглестон, Стантон Бернард, Вест Овертон, Уайли, Олведистон, Бишопстон, Чилмарк и Ридж, Буркомб³⁴.

Начнем с анализа изменений в площади аренды, которые произошли за три четверти века, истекших между составлением наших описей.

Если площадь аренды по 11 исследованным манорам составляла, согласно описям XVI в., 5947,5 акра или 22,9% площади всего манориального комплекса, то в первой трети XVII в. мы обнаруживаем в тех же манорах клин аренды общей площадью в 7816,1 акра, что составило 28,9% всей земли, сданной в различного вида держания. Таким образом,

³⁴ Манор Вилтон практически не содержит точных сведений о площади аренды, а поэтому мы не включили его в данном случае в наш обзор.

интересующая нас площадь увеличилась на 1868,1 акра или в 1,3 раза. Как можно объяснить отмеченное расширение клина аренды?

Я думаю, что причиной выявленного процесса могла служить, во-первых, сдача в аренду тех участков домена, которые еще не были сданы в XVI в. Во-вторых, в аренду могли быть сданы и те земли, которые были включены в состав некоторых маноров в результате расчистки и мелиорации – а этот процесс, как мне удалось выяснить в исследовании по Уилтширу³⁵, был характерен для владельческого комплекса Пемброков. Кроме того, в аренду могла быть сдана и в недавнем прошлом крестьянская земля, которая по каким-то причинам «вернулась» в руки лорда и в изучаемый период сдавалась уже не на традиционных, а на новых, договорных, условиях. Так или иначе, но значительное расширение арендаторского клина в XVII в. по сравнению с XVI свидетельствует о том, что даже в Уилтшире, графстве, входящем в состав юго-западной Англии – региона, который принято считать одним из наиболее традиционных в отношении аграрного развития в целом, постепенно сказывалось влияние генезиса капитализма.

Это утверждение вытекает, пожалуй, прежде всего из анализа экономического облика аренды, который мы начнем с сопоставления величины арендованных участков. Придерживаясь принятой ранее методики, разделим сданные в аренду участки на три группы: крупная аренда - свыше 150 акров, средняя – от 30 до 150 акров, мелкая – менее 30 акров.

Проанализировав площадь аренды в соответствии с этими критериями, мы обнаружили, что в XVI в. удельный вес крупной аренды составлял 97,3% от общей ее площади. Удельный вес средней аренды в это же время составлял 2,4%, а мелкой – лишь 0,3%. Если же мы обратимся к данным описей XVII в., то обнаружим значительный рост средней и мелкой аренды, которая частично потеснила крупную. Так, удельный вес крупной аренды составил в первой трети XVII в. 80,9% общей ее площади, средней – 16,4%, мелкой – 2,7%.

³⁵ Винокурова М.В. Английское крестьянство. С.203-210.

Что означает это смещение размеров аренды от крупной к средней и мелкой? Смену коммерческой аренды потребительской? Мне кажется, что такое предположение было бы ошибочным. В действительности речь шла, как представляется, о более интенсивном развитии именно коммерческой аренды. Если в XVI в. и ранее лорды сдавали в одни руки почти весь домен с усадьбами, парками, садами и даже крестьянскими повинностями («делка», при которой, как указывалось выше, арендатор становился на место лорда, пользуясь нередко его феодальными привилегиями), то в XVII в. (по крайней мере, в обширных владениях Пемброков) практика сдачи в одни руки целых доменов уступает место их дроблению на несколько разновеликих блоков и сдачу последних в аренду по рыночным законам спроса и предложения. Иными словами видимая «демократизация» аренды фактически могла означать ее капитализацию. Аренда становилась все более буржуазной, если не по характеру рентных отношений с лордом, то по типу хозяйственного использования земли.

Кто же мог хозяйствовать на площади земли, отнесенной нами к мелкой и средней аренде? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу изменений, произошедших в сословном составе арендаторов. Они представлены в таблице № 64, в которой первая строка, заполненная цифрами, содержит данные для XVI в., а вторая, нижняя, - для XVII.

В XVI в. в качестве арендаторов мы находим в наших манорах 16 человек дворян (джентльмены, эсквайры, армигеры), что составило 75% их общего количества. В первой трети XVII в. в исследуемых 11 манорах описями также отмечено 16 благородных арендаторов, однако они составляют уже 30,7% общей численности. Наибольший удельный вес (61,5%), согласно описям XVII в., приходится на долю арендаторов, которые держат преимущественно мелкие и средние «осколки» домена и которые в тексте источников сословно не обозначены, а, следовательно, согласно правилам терминологического анализа манориальных описей, о которых мы

писали выше, могут быть отнесены к арендаторам крестьянского типа. Наконец, в XVII в. в изучаемых 11 манорах в качестве арендаторов присутствует один горожанин и три клирика, что соответствовало 2,1% и 5,7% общего состава.

Таблица 64. Изменения в сословном составе арендаторов.

Общее число арендато ров	Числ о двор ян (чел.)	% двор ян	Число кресть ян (чел.)	% кресть ян	Число горож ан (чел.)	% горож ан	Число клирик ов (чел.)	% клирик ов
21	16	75	5	25	-	-	-	-
52	16	30,7	32	61,5	1	2,1	3	5,7

Таким образом, было бы неверно судить об интенсивности проникновения капиталистических отношений в предреволюционную английскую деревню, опираясь на показатель удельного веса одной лишь крупной, по преимуществу дворянской, аренды. Наши данные свидетельствуют о том, что в этой связи необходимо обратить внимание и на слой арендаторов крестьянского типа, которые в основном хозяйствовали на небольших участках земли. *Появление в значительном количестве таких арендаторов соответствует нашим предположениям о «демократизации» аренды в 30-е гг. XVII в.*

Далее, необходимо обратить внимание на изменения в распределении аренды по отдельным манорам. С этой точки зрения XVI в. может считаться веком удивительных пропорций: число арендаторов в это время в каждом из 11 маноров колебалось от 1 до 3 чел. Очевидно, в указанное время домен либо сдавался целиком, либо делился на два-три крупных блока. Наблюдая эту пропорциональность в распределении числа арендаторов между манорами, можно, пожалуй, прийти к выводу, что арендатор, очевидно,

занимал место лорда манора как человек, возложивший на себя обязанности в обмен на доход с участка аренды реализовать для лорда рыночную стоимость его земли.

Иную картину можно увидеть в XVII в. Речь идет не только о том, что число арендаторов по тем же 11 манорам увеличилось в 2,5 раза, но и о том, что распределение их численности между манорами оказалось более неравномерным. Больше всего обращают на себя внимание изменения, произошедшие в двух манорах: Балбридж и Уайли. В первом из них численность арендаторов за три четверти века возросла в 11 раз (с 2 человек по данным первого свода описей – до 22-х по данным второго), во втором – почти в 6 раз (с 2 до 11 человек).

Указанным изменениям в численности арендаторов должны были соответствовать изменения и в площади аренды в интересующих нас в данном случае двух манорах. И это действительно так. Например, если в маноре Балбридж в XVI в. в аренду было сдано 330 акров (22,2% общей площади), то в XVII в. эта площадь возрастает до 1650,5 акров (96,2%). Сразу же возникает вопрос: откуда же у лордов появилась возможность настолько увеличить клин аренды? Ведь общая-то площадь манора, согласно моим подсчетам, основанным на данных описей, изменилась совершенно незначительно: всего на 243 с небольшим акра. «Источник», позволивший лорду столь значительно расширить клин аренды в данном маноре, выявляется при сравнении площади его копигольда: вместо 1051,75 акра в XVI в. мы обнаруживаем лишь 75,25 акра в веке XVII. Таким образом, выявляется весьма интересный факт: *превращение почти всего копигольда манора (и манора крупного) в аренду!* Очевидно, в интересующий нас период у манориальных лордов имелся в наличии некий «механизм», с помощью которого можно было, невзирая на многовековые обычаи, «модернизировать» аграрные отношения по капиталистическому образцу. В систему этой «модернизации» входило, как я уже писала выше, в разделе, посвященному держанию на общем праве, и превращение в аренду

фригольда – напомним, что в 30-е гг. XVII в. мы наблюдаем в указанном маноре полное исчезновение 101 акра этого вида держания, очевидно, выкупленного лордом у его владельцев на предмет превращения в аренду. Что касается копигольда, то, разумеется, ни о каком выкупе речи не шло: думаю, что манор Балбридж являет нам пример насильственного низведения держателей по обычаю в ранг арендаторов «на воле лорда».

Несколько другой случай представляет манор Уайли. И для этого манора можно констатировать, как уже указывалось, значительное увеличение числа арендаторов. Однако площадь арендованной земли здесь осталась почти прежней, даже чуть уменьшилась. Если в XVI в. она составляла 492,5 акров, что в первой трети XVII в. – 487,7 акров. Очевидно в данном случае речь могла идти о простом дроблении клина аренды на мелкие участки. Это подтверждается данными о дифференциации арендаторов в маноре. Если в XVI в. один арендатор хозяйствовал здесь на обширном участке в 492,5 акров, то в XVII в. вместо этого единственного арендатора появились 11 «средних», в руках которых находились участки практически равной площади: по 44 акра «на человека». Сама равномерность распределения земли между арендаторами свидетельствует о возможности дробления первоначального клина с целью замены аренды феодального типа рыночной арендой более «демократического характера».

Возникает вопрос: почему именно эти два манора оказались столь притягательными для арендаторов, в то время как другие будто бы застыли в прежнем положении, почти не меняя пропорций между клином аренды, обычного держания и фригольда?

Я думаю, что в данном случае нам опять-таки надо обратить внимание на распределение «коммерческих» видов угодий в этих манорах. Так, в Уайли весьма любопытным является соотношение пашни и пастбища: площадь последнего превышает площадь пахоты почти в два раза (170 акров – 322,5 акра для XVI в. и 150,25 акра – 307,25 акра для XVII в.). Если мы вспомним, что графство Уилтшир отличалось весьма развитым овцеводством

и столь же развитой шерстяной промышленностью, то это данные окажутся достаточными для «притягательности» манора Уайли со стороны арендаторов.

Иная ситуация в маноре Балбридж. Соотношение площадей пахоты и пастбища в нем как для XVI, так и для XVII в. оказывается более сбалансированным. Однако в описях 30-х гг. XVII в. обращает на себя внимание появление значительной площади огороженной земли, которая практически отсутствовала согласно данным описей предыдущего столетия. Если в XVI в. описи фиксируют всего 4 акра угодий указанного типа, то в XVII – уже 347, 25 акра. Источник появления этой огороженной земли частично обнаружится, если учесть, что площадь открытого пастбища в указанном маноре уменьшилась за изученный период с 775 до 524,2 акра. Таким образом мы не ошибемся, если усмотрим причину его притягательности для арендаторов в том, что значительная площадь здесь была огорожена. Если к тому же учесть близость данного манора к Wilton'у – городскому и рыночному центру Уилтшира, то наличие в нем значительной концентрации арендаторов станет еще более понятным.

Обратимся, далее, к условиям аренды и попытаемся выяснить, что изменилось в них за истекшие между составлением описей годы.

Если вести речь о сроках аренды, то окажется, что обнаруженные нами данные о «временной эволюции» отношений договорного типа несколько отклоняются, как уже упоминалось выше, от общепринятого в историографии мнения, согласно которому с течением времени сроки аренды убывали. Анализируя описи 30-х гг. XVII в., мы упоминали о тенденции к возрастанию сроков аренды, и даже о появлении в манориальном комплексе Пемброков в указанное время значительного количества договоров сроком на 99 лет. Тогда нам не удалось выявить причины этого явления. Попробуем сделать это сейчас.

Прежде всего посмотрим, в чем конкретно выражались изменения в сроках аренды в 11 манорах комплекса Пемброков, взятых нами для

сравнения. Так, в XVI в. только один арендатор из 21³⁶ арендовал землю сроком более чем на 50 лет; восемь арендаторов – сроком от 21 года до 50 лет. Остальные «держали» аренды на сроки менее 21 года. Иная картина обнаруживается в описях 30-х гг. XVII в. Она усложнилась, причиной чего послужило прежде всего общее увеличение численности «держателей» по договору (до 52), а, следовательно, и большее разнообразие условий аренды. «Краткосрочных» арендаторов мы обнаруживаем всего 4 чел (7,9% общей численности). Участки аренды сроком от 10 до 21 года находились в хозяйственном пользовании 18 лизгольдеров, что составляло 34,6% их общего количества.³⁷ С другой стороны, в указанное время отмечается увеличение численности долгосрочных арендаторов. Так, 24% общей численности «держателей по договору» хозяйствуют на участках аренды от 70 до 99 лет. В XVI в., напомню, такие длительные сроки аренды отсутствуют.

Эти факты нельзя не признать более чем любопытными: в манорах Пемброков за исследуемые три четверти века не только возросли численность арендаторов и площадь земли, сданной в аренду, но резко увеличились и сроки аренды. Теперь, как представляется, мы могли бы объяснить это явление, особенно если принять во внимание тот факт, что более половины отмеченных нами для 30-х гг. XVII в. долгосрочных договоров «пришлось» на манор Балбридж, а почти вся оставшаяся часть – на манор Уайли. Думается, что в первом из указанных маноров увеличение сроков договоров могло явиться следствием самого факта превращения копигольда в аренду, отмеченного выше. *Долгосрочная аренда, напомню, выгодная более самим держателям, нежели лордам, была, скорее всего, вознаграждением, компенсацией бывшим копигольдерам за «согласие»*

³⁶ Общее количество арендаторов на 12 человек меньше их численности, отмеченной нами по описям 60-х гг. XVI в. в процессе их изолированного изучения. Напомним, что тогда в манорах Пемброков в указанное время насчитывалось 33 арендатора. Уменьшение численности арендаторов связано с тем, что в данном случае мы не имели возможности включить в наш анализ манор Вилтон.

³⁷ А в XVI в. удельный вес этой группы был равен 65,4%.

сменить юридический статус держаний. Что касается второго манора (Уайли), удлинение сроков аренды, может быть, явилось результатом того самого процесса дробления аренды на домене, о котором также упоминалось выше. И здесь долгосрочный ее характер должен был являться вполне притягательным мотивом для появления значительного числа «средних» лизгольдеров.

Приведем некоторые примеры удлинения сроков арендных договоров за истекшие между составлением описей три четверти века. Так, например, если в 60-е гг. XVI в. джентльмен Рикардус Поттикари арендовал в маноре Уайли дом, сад и мельницу сроком на 31 год, то в XVII в. его преемники Гуго и Томас Поттикари арендуют в этом же маноре соответственно 62,75 и 58 акров, оба сроком на 99 лет. Далее, арендатор манора Балбридж Генри Гуд, благородный, в XVI в. вел хозяйство на участке земли площадью 249 акров согласно заключенному им с лордом краткосрочному договору продолжительностью в 7 лет, одновременно являясь и держателем участка копигольда в этом же маноре. В описи же XVII в. данного манора записано, что арендатор Генри Гуд (либо сам упомянутый только что, но уже весьма престарелый джентльмен, либо его сын или даже внук) «держит» по договору 325,25 акров сроком на 18 лет, присоединив при этом к указанной площади 142 акра копигольда в маноре Broad Chalke и 14 акров земли этого же юридического статуса в маноре Bishopstone. Другой лизгольдер манора Балбридж, Томас Рендолл, в XVI в. заключил договор об аренде 81 акра земли сроком на 7 лет; в XVII же веке он или его потомок арендует в указанном маноре 61 акр земли сроком на 21 год. Еще один держатель манора Балбридж, сословный статус которого не указан в описи, Брайан Стэнли, в XVI в. хозяйствовал на участке аренды площадью 180 акров по договору длительностью в 31 год (и при этом параллельно держал в этом же маноре 72 акра копигольда); в XVII же в., согласно описи, его сын или внук Джон Стэнли «держит» на правах лизгольда участок в 245 акров, но уже на гораздо более длительный срок в 99 лет. Последний пример наиболее

показателен в том отношении, что он недвусмысленно свидетельствует об описанном выше процессе превращения копигольда в аренду с удлинением ее срока в качестве компенсации за «согласие» держателя сменить статус.

Приведение подобных примеров, особенно взятых из жизненных глубин маноров Балбридж и Уайли, можно было бы продолжать. Однако я далека от того, чтобы абсолютизировать отмеченную тенденцию удлинения сроков арендных договоров в целом по манориальному комплексу графов Пемброков – констатация этой тенденции оказалась возможной в основном за счет специфики арендных отношений в манорах Балбридж и Уайли, то есть за счет расширения именно в этих манорах клина долгосрочной аренды. Для других маноров комплекса можно было бы с успехом привести ряд примеров, свидетельствующих, напротив, о сокращении сроков арендных договоров.³⁸

Нам осталось обратиться к вопросу об эволюции рент арендаторов в исследуемых 11 манорах 60-х гг. XVI – 30-х гг. XVII вв.

Что тотчас же привлекает внимание? Прежде всего – увеличение объема рент (арендных плат) лизгольдеров, а, следовательно, повышение этого рода «поступлений» в манориальный бюджет графов Пемброков. Действительно, если в 60-х гг. XVI в. сумма рент арендаторов равнялась 176,1£ и составляла 40,6% платежей всех держателей, то в 30-х гг. XVII в. она возросла до 382,2£ (63,8%). Думается, мы не ошибемся, если признаем, что основной причиной такого значительного повышения суммы платежей арендаторов в наших манорах явилось прежде всего увеличение численности их самих с 21 чел. (6% общего количества держателей) до 52 чел. (15,5%), и прежде всего за счет маноров Балбридж и Уайли. В первом из упомянутых маноров, кстати, сумма рент арендаторов возросла за три четверти века в 82 раза!

³⁸ Эти примеры содержатся в моем исследовании по истории английского крестьянства юго-западного региона: Винокурова М.В. Английское крестьянство..., С. 220.

Повышение экономической значимости арендных отношений в аграрном строе изученного региона, ввиду значительного возрастания не только площади лизгольда, но и объема арендной платы, таким образом, несомненно. Договорные отношения, при всем своем «переходном» характере, постепенно одерживали верх над традиционными отношениями в английской предреволюционной деревне. Это заключение будет верно и в том случае, если мы будем иметь в виду, что более 55% в изучаемых манорах составляли арендаторы долгосрочные. *Даже долгосрочная аренда была в экономическом плане более выгодной для манориальных лордов, нежели держания по копии – недаром в первой трети XVII в. общий объем арендных плат в изученных манорах превышал соответствующую сумму твердых рент держателей по обычаю на 28,4%³⁹. И это несмотря на тот факт, что, помимо только что отмеченной тенденции к повышению в указанный период удельного веса долгосрочных договоров, само количество арендаторов было меньше численности копигольдеров на 67%!⁴⁰*

Если мы обратимся, далее, к эпизодическим рентам, то увидим, каким образом менялись в течение исследуемых семи десятилетий файны за допуск, взимавшиеся с лизгольдеров при заключении очередного договора точно так же, как с обычных держателей при составлении копии. Выше не раз уже отмечалось, что *механизм приведения арендных платежей в соответствие с колебаниями рыночной конъюнктуры моделировался в исследуемых манорах по типу соответствующих «операций», характерных для копигольда. Для бесперебойной работы этого механизма огромную роль играло произвольное повышение файнов за допуск, с помощью которых, в сущности, и происходила «коммерциализация» земельных отношений в английской*

³⁹ Удельный вес ежегодных арендных плат в 30-х гг. XVII в. равнялся, согласно моим подсчетам, сделанным на основе данных описей этого времени, 63,8%, в то время как удельный вес ежегодных рент обычных держателей составлял 35,4% (0,8% «приходилось» на ренты немногочисленных фригольдеров).

⁴⁰ Из 334 держателей, зафиксированных источниками в 30-е гг. XVII в., на лизгольдеров «приходилось» 15,6% (52 чел.), в то время как удельный вес обычных держателей был равен 82,6% (276 чел.). 1,8% держательского состава составляли фригольдеры (6 чел.).

предреволюционной деревне – во всяком случае, как показывают наши источники, на Юго-Западе страны.

Выше было отмечено, что в 30-е гг. XVII в., согласно описям поместья графа Филиппа Пемброка и Монтгомери, по 17 исследованным мною манорам общая сумма вступных файнов арендаторов превысила сумму их ежегодных рент в 11,5 раза. К сожалению, в нашем изучении эволюции рентных отношений за три четверти века, прошедших между составлением описей, мы не можем привести данные по всем 11 интересующим нас для данного случая манорам ввиду дефектного состояния ряда ренталей 60-х гг. XVI в. – и как раз в тех разделах, где приведены данные о вступных файнах. Полные (без малейшего изъяна) данные, как по ежегодным платежам, так и по эпизодическим, содержатся лишь в трех из интересующих нас маноров: Балбридж, Фугглестон, Вест Овертон. Итоги обработки этих данных приведены в таблице № 65.

Таблица 65. Сравнение рент и файнов арендаторов (XVI-XVII вв.)

Название манора	Сумма рент (фунты). XVI в.	Сумма файнов (фунты). XVII в.	Сумма рент (фунты). XVI в.	Сумма файнов (фунты). XVII в.
Bulbridge	1,7	16,6	139,0	1163,0
Fuggleston	4,2	33,3	4,0	56,6
West Overton	15,8	146,5	24,7	304,0
Итого:	21,7	196,4	167,7	1523,6

В этих трех манорах мы можем видеть поразительное единообразие в соотношении рент и файнов как в XVI, так и в XVII вв.: в обоих сводах описей, как удалось выяснить, превышение вторых над первыми составляло

цифру 9,1. За три четверти века абсолютные суммы как рент, так и фэйнов также возросли в равной пропорции: в 7,7 – 7,8 раза.⁴¹

Возрастание как арендных плат, так и вступных фэйнов арендаторов за три четверти века почти в 8 раз (пусть даже в немногих доступных для сравнительного исследования манорах) свидетельствует, несомненно, о повышении значимости («коммерческой ценности») нетрадиционных, договорных отношений в аграрном строе юго-западного региона предреволюционной Англии – отношений, которые позволяли лорду, особенно при условии использования фактора произвольного «взвинчивания» вступных платежей, динамично реагировать на изменение рыночной конъюнктуры. В моем исследовании аграрного строя юго-западной Англии приведены почерпнутые из описей и притом, как мне кажется, весьма показательные примеры резкого повышения лордами вступных платежей в среде арендаторов в период между 60-ми гг. XVI в. и 30-ми гг. XVII в.⁴²

Что касается рент «реликтового» происхождения, восходящих к периодам раннего и классического Средневековья, то, как это ни парадоксально, мы можем наблюдать не только стабильность таковых, но даже некоторое повышение их удельного веса – и это в среде арендаторов! Речь в данном случае идет прежде всего о натуральных поборах. Так, если в маноре Вест Овертон в 60-е гг. XVI в. лизгольдеры Ричард Транкелин и Роберт Холл не выплачивали рент натурой, то в 30-х гг. XVII в. сменившие их здесь арендаторы Ричард Хейз, Джон и Ричард Смиты выплачивают, помимо фиксированной в их договорах арендной платы, и ренту натурой: первые двое по 10 кварталов пшеницы и 20 кварталов ячменя, а последний – три повозки хорошего камня из каменоломен ежегодно.

В целом же в 60-е гг. XVI вв. в наших 11 манорах натуральную ренту лорду вносили 8 арендаторов из 21 (38,1%). А в 30-е гг. XVII в. этим

⁴¹ Сравните: 167,7: 21,7 = 7,7; 1523,6: 196,4 = 7,8.

⁴² Винокурова М.В. Английское крестьянство... С. 224-225.

платежом феодального происхождения были обязаны уже 44,2% общего количества лизгольдеров (23 чел. из 52). Возможно, что некоторое возрастание удельного веса натуральных платежей арендаторов было связано прежде всего с вздорожанием продуктов на внутреннем рынке юго-западного региона в изучаемый период⁴³.

Зададимся, далее, таким вопросом: можно ли на основании обработки наших описей отметить случаи эволюционирования аренды в копигольд?

Да, такие превращения имели место, хотя и не столь уж часто. Так, например, арендатор манора Балбридж Генри Гуд в 60-е гг. XVI в. хозяйствовал на площади земли в 249 акров. А в 30-е гг. XVII в. он (или его потомок) держит в этом же маноре уже не аренду, а довольно крупный участок копигольда площадью 142 акра, да в придачу – 18,5 акра земли этого же статуса в маноре Бишопстон. Арендатор Ричард Поттикари во второй половине XVI в. арендовал в маноре Уайли дом, сад и мельницу с участком земли, а его дети Николас, Джулиан и Кристофер в первой трети XVII в. держат в этом маноре, но только уже на правах копигольда, 54, 69 и 16,25 акра земли соответственно. Арендатор манора Барфорд Джилс Тугуд вместо 132 акров аренды, «закрепленной» за ним во времена елизаветинской описи, в 30-е гг. XVII в. держит в указанном маноре два участка копигольда в 50 и 60 акров. Однако число подобных примеров совсем невелико. Несравненно более частыми и массовыми являлись случаи превращения копигольда в аренду, о чем уже шла речь выше.

Таким образом, в мире английского манора, шедшего по тропе «врастания» в отношения договорного типа, сталкивались две тенденции. С одной стороны, подчас прослеживалось стремление арендаторов приравнять статус своих земельных участков к юридическому статусу земли, где рентные отношения регулировались не договором, а обычаем, традицией и потому не без основания могли считаться более защищенными, имеющими

⁴³ Supple B.E. Commercial Crisis and Change in England. 1600-1642. Cambridge, 1959; DUBY G. Rural Life and Economy in Medieval West. L., 1968.

достаточно стабильный характер. С другой стороны, как мы выяснили, манориальные лорды совершенно явно и настойчиво противодействовали указанному процессу путем насильственного низведения копигольдеров до уровня временных арендаторов на воле лорда, «кривая» рент которых колебалась бы в зависимости от изменения цен на хлебном рынке.

Часть 5. Аренда в поместье Рочдейл (20-е гг. XVII в.).

Посмотрим, далее, что представляли собой арендные отношения в поместье Рочдейл, расположенном, как мы помним, в северо-западной части Англии. О чем же свидетельствуют описи 20 маноров Рочдейла?

Ответ на этот вопрос более чем краток и, по-моему, очень впечатляющ: почти ни о чем. Ни о чем – в самом прямом смысле. Это значит, что описи интересующих нас маноров практически не фиксируют наличия в них арендных отношений. А это, в свою очередь, означает, что отношения указанного типа в манориальном комплексе Рочдейл в первой трети XVII в. просто не были развиты – в противном случае они были бы зафиксированы в наших источниках, причем с той степенью скрупулезного тщания, с какой в них описаны традиционные виды держаний (фригольд и копигольд) – ведь весь «комплект» описей составлялся в согласии идентичными требованиями, предъявляемыми к составлению такого рода документации.

Мы же наблюдаем в огромном комплексе маноров, состоящем из десятков тысяч акров, всего-навсего несколько случаев аренды.

Так, в маноре Волстенхолм лизгольдер Томас Хардмен, являющийся по совместительству еще и копигольдером в соседнем маноре, «держит» участок аренды площадью в 26 акров. За этот участок он платит небольшую ренту в 9d. (0,3d/акр.), и при этом получает с него вполне приличный годовой доход в 9,5 фунтов (7,5s/акр.). Интересной особенностью являются данные о сроках этой аренды. В описи указывается, что Томас Хардмен «держит»

участок на срок жизни, причем с условием: «если за это время он не совершит никаких преступлений».⁴⁴

Второй случай аренды в поместье Рочдейл связан с именем Сэмюэля Грива из манора Спотлэнд. Сэмюэль арендует сроком на 20 лет 27 акров земли, состоящей из пахоты, луга и нескольких крошечных огороженных участков пастбища. Причем это случай так называемой «двойной» аренды: в описи отмечено, что арендатор Грив обязан рентой как королю, так и местному богатею, «джентльмену мистеру Холту». Первая из них исчисляется суммой в 8s.4d., а вторая - суммой в 1s. Указано, кроме того, что арендатор обязан обеспечивать «резервацию всех опеки для короля». Что сие означает – сказать трудно, поскольку ни о каких опеках в данном маноре (ни на копигольде, ни на фригольде) источник не упоминает.⁴⁵ Указан также доход от этого участка аренды: он составляет около 10£. В описи содержится также интересная приписка, касающаяся как предыстории, так и дальнейшей судьбы этой аренды. Так, сказано, что первоначально, еще до того, как землю взял в аренду Сэмюэль Грив, она была частью держаний некоего Уильяма Маркрофта, осужденного за уголовное преступление (за какое именно - не указано).⁴⁶ После этого земли стали считаться «бросовыми» и, видимо, пригодными для того, чтобы сдавать их на основе договора. Так они попали к Сэмюэлю Гриву, который хозяйствовал на них до 1650 г. Затем, как свидетельствует запись в интерполяции, часть этих земель (9 акров, а не 27), а также мезуагий, дом и амбар перешли арендатору Роберту Боду (Robert Boad). Роберт, находясь в стесненных финансовых обстоятельствах, 2 февраля 1650 г. заложил свою аренду за 30£.

Удивительно то, что этот домик был снесен, как видно из комментария издателя, только в начале XX столетия. Но до сих пор, оказывается,

⁴⁴ Survey of the Manor of Rochdale, Wolstenholm..., P. 217.

⁴⁵ Ibid. Spotland..., P. 194.

⁴⁶ Возможно, в то время эти земли входили в состав копигольда. Но мы можем судить об этом лишь по очень косвенным данным: дело в том, что в описях этого манора фиксируется *копигольдер* Джон Маркрофт – возможно, его однофамилец или родственник Уильям, совершивший преступление, также был держателем по обычаю.

существует камень, который лежал у его порога с XVII в., с полустертymi буквами R.B.(Robert Boad), начертанными на нем. Этот камень тогда же, в начале века, был перенесен к колодцу в местечке Bronhill и укреплен над ним. Он один свидетельствует теперь о временах давно прошедших...

По одному случаю аренды мы имеем в манорах Каслтон и Холлингверф. В обоих случаях это также «добавочная» аренда, когда статус арендатора, не являясь основным, фиксировался в описях в качестве «вторичного» по отношению к «основному» статусу копигольдера или фригольдера. Так, для манора Каслтон речь идет о небольшой (около 25 акров) аренде фригольдера Роберта Холта, для манора Холлингверф – об аренде 3 акров земли свободным держателем Джеймсом Скоттом.

Ну, и пожалуй, стремясь к абсолютной точности, следует еще раз упомянуть о том, что в Вардлверф копигольдер Йордан Чадвик арендует кусочек земли площадью 0,75 акра на одной из улиц (High Street) «манора-города». Не забудем и о случае такой нетипичной аренды как аренда угольных разработок (за плату 10 s.в год), расположенных на участке копигольда вдовы Элис Уолстенхолм из манора Вардл⁴⁷.

Вот, в сущности, и все, что, согласно источникам, мы можем сказать об аренде манориального комплекса Рочдейл, расположенного в графстве Ланкашир. Как видим, в этом регионе Англии первой трети XVII столетия договорные отношения практически не были развиты, а центр тяжести его аграрного развития в предреволюционную эпоху приходился преимущественно на традиционные держания, каковыми являлись здесь, как было показано в ходе нашего исследования, держание по обычаю манора и держание на общем праве.

Итоги:

⁴⁷ Эти случаи настолько нетипичны (и прежде всего как примеры, иллюстрирующие весьма слабое отношение к аренде *земли* в манорах), что я даже не стала включать их (именно как случаи *аренды*) в сводную таблицу № 44, в которой представлена общая численность (по правовым категориям) держателей Рочдейла. К тому же «ведущим» статусом в этих случаях явно был статус держателя по копии, статус же арендатора – добавочным.

Таким образом, исследуя арендные отношения в двух «маргинальных» (по отношению к центральной и восточной Англии) регионах страны, каковыми являлись ее юго-западная и северо-западная части – «зоны» с относительно замедленными темпами аграрного развития – мы можем опираться лишь на наши данные о развитии лизгольда, полученные на основе изучения маноров Пемброков в Уилтшире XVI – первой трети XVII вв. Именно там развитие отношений договорного типа, во-видимому, достигло той стадии «социальной зрелости», которая дает основание сделать некоторые выводы обобщающего характера.

Итак, в ходе анализа арендных отношений на Юго-Западе Англии мне как будто бы удалось показать, что они не имели во второй половине XVI – первой трети XVII в. чисто «капиталистического» характера – и во многом по той причине, что арендные платы лизгольдеров были «отягощены» платежами феодального происхождения и потому не являлись еще избытком над средней прибылью арендаторов.

Действительно, с одной стороны, нельзя не констатировать явного укрепления позиций раннекапиталистического лизгольда в юго-западной части предреволюционной Англии. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения, полученные на основании исследования источников: 1. «демократизация» аренды – сдача по договору не только домениальной земли (хотя на ней и расположены крупные дворянские аренды), но и держательского клина, по преимуществу – «обычной» земли, что являлось «материальной основой» для закрепления тенденции к превращению крестьянства в арендаторов на воле лорда; 2. наличие краткосрочных договоров; 3. высокий удельный вес пастбищного хозяйства в составе аренды; 4. использование в значительных масштабах наемного труда (коттеров, субдержателей); 5. вторжение «джентри» на территорию аренды, по преимуществу «новодворянский» ее характер.

С другой стороны, этот вид поземельных отношений был в значительной степени отмечен реликтами феодального прошлого, нередко

напоминая традиционное держание по обычаю манора. Об этом свидетельствует 1. однотипный с копигольдом механизм взимания рент и вступных фэйнов; 2. наличие натуральных рент, гериотов и даже отработок; 3. нередко – моделирование сроков аренды по типу копигольда на «сроки жизни»; 4. значительный «процент» долгосрочных договоров; 5. частично домениальный характер аренды.

Очевидно поэтому капиталистические отношения, которые развивались в английской предреволюционной деревне, отличаясь в изучаемый период «переходным» характером, не могли полностью раскрыть свои возможности в условиях юридического и политического господства воли лорда.